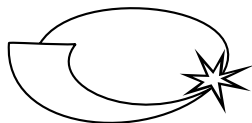

Библиотека Уполномоченного по правам человека
в Пермском крае

Оставаться человеком в любых обстоятельствах

Пермское книжное издательство
2018

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2Рос-4Пер)
О76

О76 Асланьян Ю.И., Гладышев В.Ф., Калих А.М., Оболонкова М.А., Суслов А.Б., Черемных М.В. Оставаться человеком в любых обстоятельствах / [сост. Суслов А.Б., доктор исторических наук, профессор; под общ. ред. Микова П.В.] – Пермь: Пермское книжное издательство, 2018. – 100 с.

ISBN 978-5-904037-78-9

Сборник очерков о людях, сохранявших человеческое достоинство в суровых жизненных испытаниях, выпавшим им на пермской земле. Сюжеты очерков подобраны таким образом, чтобы они могли стать своеобразным гражданским дополнением к ряду популярных туристических маршрутов в Пермском крае. Авторы очерков – известные пермские историки и журналисты.

Сборник будет полезен для организации краеведческой работы в системе общего, профессионального и дополнительного образования, а также для всех интересующихся историей края.

Тексты публикуются в авторской редакции.

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2Рос-4Пер)

ISBN 978-5-904037-78-9

© Уполномоченный по правам человека
в Пермском крае, 2018
© Авторы публикаций, 2018
© ООО «Пермское книжное издательство», 2018

Оглавление

<i>Миков П.</i> Слово к читателю.....	4
<i>Гладышев В.</i> Верный Джонсон, или императора играет свита (о Н. Джонсоне).....	10
<i>Гладышев В.</i> Скованы навек. Недорисованный портрет Михаила «Второго» (о М. Романове).....	18
<i>Асланьян Ю.</i> Коммерческий директор (об И.Н. Абагурове).....	27
<i>Гладышев В.</i> «С ужасом думаю о жизни в Молотове», или четвертая молодость Екатерины Гейденрейх (об Е.Н. Гейденрейх).....	35
<i>Калих А.</i> Воздух свободы (об И.А. Зекцере).....	45
<i>Оболонкова М.</i> Профессия – профессор (о Л.Е. Кертмане).....	51
<i>Суслов А.</i> Право на самоуважение (о С.А. Ковалеве).....	56
<i>Черемных М.</i> «Когда я пишу стихи, никто ни в чем мне не отказывает» (об О.Э. Мандельштаме).....	64
<i>Суслов А.</i> Филантроп (о Н.В. Мешкове).....	72
<i>Гладышев В.</i> Улица, построенная Тольцинером (о Ф.М. Тольцинере).....	76
<i>Гладышев В.</i> Конструктор, прошедший огонь, воду и... «шарашки» (о М.Ю. Цирульникове).....	85
<i>Черемных М.</i> «...Успеть рассказать правду, не известную никому в мире» (о В.Т. Шаламове).....	92
<i>Об авторах</i>	98

Сохраняя Человечность и человеческое достоинство в любых условиях и обстоятельствах...

Дорогие друзья! Вы открыли сборник очерков о людях, чья жизнь тесно сплелась нитями (или, может быть, канатами) судьбы с Прикамьем. Для многих героев очерков Пермь была малой родиной с рождения, для большинства Пермь стала вынужденной малой родиной. По-разному они становились нашими земляками, но, связанные с Прикамьем, являли собой для пермяков пример сохранения Человечности и человеческого достоинства, непокоренности злой воле судьбы, сотворенной государственной машиной принуждения и унижения.

2017-2018 годы – «юбилейные годы» трагических событий вековой истории России. 100-летие революционных событий, приведших к кровавым событиям гражданской войны, физическому уничтожению 300-летней династии Романовых, колесу «красного террора», «большого террора», поствоенных репрессий и борьбы на протяжении 70 лет с любым инакомыслием.

Очерки Владимира Гладышева о Михаиле Романове и его слуге Николае Джонсоне, взошедшим на Голгофу добровольно вместе со своим государем («гражданином Романовым»), открывают эту книгу. 100 лет Пермь скрывает тайну трагической гибели Великого князя и его верных слуг. Именно здесь, в Перми, Михаил Александрович размышляет о будущем России. России, где торжествуют порядок и справедливость... *«Две эти вещи волновали последнего русского царя накануне гибели сильнее всего. Как, ценной чего достичь порядка, основанного на справедливости?..»*

Всего 2 часа 30 минут хватило для вынесения приговора Екатерине Николаевне Гейденрейх военному трибуналу Ленинграда, чтобы ее личная жизнь на долгие 10 лет была связана с Прикамьем, а жизнь творческая, вклад в культуру Перми – уже навечно. Владимир Гладышев, пермский краевед, журналист, в своем

очерке об основательнице Пермской хореографической школы пишет очень тепло, вместе с тем, и не скрывая правды, что среди земляков были разные люди. Одни, так и оставшиеся неизвестными, фактически спасли Екатерину Николаевну из УсольЯАГа в далеком 1942 году, другие в 1951 году вновь со всей неистовостью набросились на нее, припомнив прошлое «врага народа». *«В декабре 1956 года Е.Н. Гейденрейх добилась своей полной реабилитации и почти сразу уехала в родной Ленинград, который не видела 13 долгих лет... Со временем добрые отзывы, теплые приветия, дружеские весточки с Урала потеснили в памяти мрачные воспоминания. Школа хореографии, основанная с ее помощью и под ее руководством на пермской земле, станет знаменитой на весь мир».*

О Филиппе Максимовиче Тольцинере Владимир Гладышев пишет: *«Не первым ставил трудные вопросы, нет, не первым, но заслуга его в том, что он имел смелость поднять свой голос в защиту уральской старины, несмотря на то, что жизнь в Стране Советов так нещадно его била».* Благодаря Филиппу Тольцинеру наше северное чудо – город Соликамск сохранил свой исторический облик. Тольцинер своими стараниями сумел убедить власть имущих в необходимости создания заповедной зоны в старинной части города, в его комплексной архитектурно-культурной реставрации. Ему хватило мужества, человеческого и научного долга перед потомками, пройдя через 10 лет лагерей УсольЯАГа, смотря в глаза градоначальников, отстаивать уральскую старину, столь милую сердцу прикамцев.

Летом 1942 года в город Молотов (Пермь) спецэтапом на работу в особое техническое бюро Мотовилихинского завода (№ 172) прибыл молодой изобретатель, ученый Михаил Юрьевич Цирульников. В 1938 году Цирульников был необоснованно репрессирован, как брат «врага народа». Был осужден на 8 лет и направлен на работы в Особое техническое бюро Управления НКВД по Ленинградской области, которое находилось в тюрьме «Кресты». В Молотове Михаил Юрьевич был назначен руководителем ряда проектов. За разработку полковой противотанковой пушки «сорокопятки» (45-мм калибр) Михаил Юрьевич Цирульников получил досрочное освобождение. В авторском отношении Владимира Гладышева прослеживается трагизм эпохи и,

вместе с тем, патриотизм Цирульников и желание быть со своим народом в суровую годину войны, приближая Победу: *«Михаил Юрьевич, как говорят, был немногословен, когда речь шла о тех временах, оно и понятно... О том, как работалось заключенным в таких «шарашках», можно подробнее узнать из произведений А. Солженицына. Высокие слова о щите для Родины будут отдавать ложной патетикой, если мы не будем помнить при этом, какой ценой достигался успех. Цена победы...»*

О строителе поневоле, человеке, потерявшем на пермском севере в Красновишерске всю свою семью, упокоившуюся в братской могиле, Иване Назаровиче Абатурове, коммерческом директоре Вишерского целлюлозно-бумажного комбината, пишет пермский журналист, писатель Юрий Асланьян. Иван Абатуров – бывший зэк, человек, пришедший в тайгу под конвоем, пробыл в должности коммерческого директора 20 лет. *«И, пронесив клеймо «врага народа» в течение 64 лет, лишь в 1992 году был реабилитирован и назван жертвой политических репрессий».*

Александр Калих, пермский журналист, почетный председатель пермского отделения международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», активный общественный деятель Прикамья написал очерк об основателе пермской Ассоциации жертв политических репрессий Израиле Абрамовиче Зекцере, которого и я имел счастье встретить на своем жизненном и профессиональном пути. Полностью разделяю характеристику, данную Александром Михайловичем этому замечательному Человеку и Борцу за права и правду: *«Без всяких преувеличений, Израиль Абрамович Зекцер – культовая фигура в истории Пермского краевого «Мемориала». Его помнят и чтут сотни пострадавших в годы репрессий людей, которым он помог, сумел защитить в суде, вернул честное имя, привлек к активной общественной деятельности».*

«Вероятно, интеллектуальный и нравственный ландшафт нашего города был бы иным, если бы недоброй тогда для Льва Ефимовича Кертмана волей судьбы он не остался на всю жизнь в Перми. В Пермском университете многим поколениям историков выпала счастливая возможность слушать его блестящие

лекции. Сформировалась пермская школа всеобщей истории. Англовед, культуролог, методолог истории и культуры, Лев Ефимович Кертман был таким ученым, профессором, мыслителем, которого не могли ограничить рамки пермской провинции», – пишет о своем Учителе, наставнике в профессии и жизни кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, общественный деятель Перми Марина Оболонкова. Изгнанный из Киевского университета в годы борьбы с «безродным космополитизмом», Лев Ефимович нашел свою судьбу здесь, в Прикамье. Ректор Пермского государственного университета Александр Букирев, встретив молодого талантливую ученого, получившего отказы о приеме на работу из 60 университетов СССР, пригласил его работать в Пермь без каких-либо сомнений. Все-таки пермяки – это еще и смелые люди, готовые идти на конфликт с властью имущими ради спасения других, ради сохранения таланта для будущего!

«Желание же остаться самим собой и не скрывать этого – вот внутренняя свобода. Что бы ни было вокруг, ты свободен, пока говоришь прямо то, что считаешь нужным. Другой свободы не бывает», – цитирует понимание свободы Сергеем Адамовичем Ковалевым д.и.н., профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, член правления Пермского отделения международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» Андрей Суслов. С Пермским краем Сергея Ковалева судьба связала тоже помимо его воли – здесь он отбывал наказание в лагере для советских политзаключенных, известном как «Пермь-36». После создания в 1995 году Мемориального комплекса истории политических репрессий на базе ликвидированного лагеря, Сергей Адамович неоднократно приезжал сюда, чтобы помочь исторической реконструкции бывшей политзоны.

Второй очерк за авторством Андрея Суслова не мог не быть посвящен истинному сподвижнику высшего образования и патриоту Перми Николаю Васильевичу Мешкову. Открытие в Перми в 1916 году классического университета стало возможным во многом благодаря стараниям Николая Мешкова. Он не только предоставил для уни-

верситета свои здания и дал деньги, но и лично встречался с высокопоставленными чиновниками и военными, убеждая их предпринять действия, способствующие появлению университета, первого на Урале. Спустя лишь 100 лет благодарные потомки вернули Перми его образ, поставив на территории университета памятник Человеку, с большим уважением относившемуся к людям, уповая на их просвещение и смягчение обывательских нравов, и не спасшемуся от жерновов советской власти, не покинувшему как его многие современники большевистскую Россию.

В ноябре 1933 года Осип Мандельштам пишет стихотворение, ставшее памятником бесстрашию, определившее судьбу поэта «Мы живем, под собою не чуя страны» и связавшее часть его жизни с Прикамьем. Мария Черемных пермский журналист, общественный деятель, главный редактор журнала «Человеческое измерение», издаваемого Уполномоченным по правам человека в Пермском крае, в своем очерке о Мандельштаме задается вопросом: «Понимал ли он риски? Почему не сжег, не уничтожил такие тексты, а читал и делился?» и ответ на этот вопрос лежит в области личных ценностей поэта: не мог он иначе. *«Чувства, мысли, эмоции, сублимировались в тексты, скрывать которые было ниже человеческого достоинства великого русского поэта».*

Второй очерк Марии Черемных о трагической судьбе русского писателя Варлама Тихоновича Шаламова проникнут той же самой лагерной болью, с которой всю жизнь прожил русский писатель, пожалуй, как никто другой, столь реалистично, откровенно, натуралистично до тошноты, правдиво описывал лагерный быт и будни, свои чувства и то, что давало ему лично сил оставаться Человеком, сохраняя свое человеческое достоинство.

«Человек, несший в себе тюрьму, лагеря, путь человека на этапе, стремящийся показать жизнь такой, какая она есть, раскрыть людям глаза, «впустить» их в закрытый мир тюрьмы и лагеря, прожил 75 лет, 20 лет жизни проведя в лагерях и ссылках. У кого ещё в наше относительно спокойное время стоит учиться «выращивать» и сохранять чувство собственного достоинства, быть свободным, держать себя, оставаться честным?» – справедливо задает вопрос Мария Черемных.

В этом вопросе я увидел ответ на другой вопрос, который задавал сам себе и слышал не раз от своих коллег: «В чем замысел этой книги? Зачем она нужна сегодня?»

Обращаясь с идеей о создании этой книги к коллегам – историкам, краеведам, журналистам, правозащитникам, я думал первоначально о том, что изданием этой книги Уполномоченный по правам человека в Пермском крае внесет малую толику в увековечение памяти жертв политических репрессий и сохранение исторической правды. Пусть неприятной, но Правды! Когда же книга начала обретать жизнь и я прочитал первые очерки, пришло понимание – это книга будет полезна для современных молодых людей как источник в своем гражданском взрослении и самостоянии, как источник вдохновения на гражданские поступки, как источник примера сохранения человеческого достоинства в любых обстоятельствах.

Выражаю признательность авторам очерков Владимиру Гладышеву, Юрию Асланьяну, Александру Калиху, Марине Оболонковой, Марии Черемных за вдохновенность идеей и уважительное отношение к Людям, о ком написали, а также веру в молодое поколение, для которого, прежде всего, мы вместе создали эту книгу.

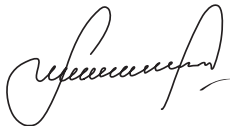
Отдельные слова благодарности Андрею Суслову за концептуальное осмысление книги и научное редактирование, помощь в организационной подготовке к выходу в свет.

Благодарю ГАУК «Пермский государственный архив» и лично его директора Игоря Киреева за предоставленные фотографии, опубликованные в настоящей книге.

Благодарю ГКБУК «Пермский краеведческий музей» и лично его директора Ольгу Юдину за предоставленные фотографии, опубликованные в настоящей книге.

Благодарю ГКБУ «Пермский государственный архив социально-политической истории» и лично его директора Сергея Неганова за предоставленные фотографии, опубликованные в настоящей книге, и помощь в подготовке книги.

Тексты публикуются в авторской редакции.

Уполномоченный по правам человека
в Пермском крае
Павел Миков

Верный Джонсон, или императора играет свита

В родительский день пермяки вспоминают и верного слугу, до последнего мгновения жизни остававшегося человеком: здесь на фотографии Николай Джонсон снят в молодом еще возрасте.

Еще недавно о верном секретаре Михаила Романова Николае Джонсоне, добровольно отправившемся вместе с великим князем в пермскую ссылку – на верную смерть, писали, что он является английским подданным. Однако появились новые данные, которые позволяют нам уточнить некоторые обстоятельства жизни и судьбы преданного помощника и друга последнего императора России. Даже фамилию секретаря его потомки, обнаружившиеся за рубежом, предлагают писать на иной лад – «Жонсон». Но об этом ниже.

РУССКИЙ «ПОЛУКРОВКА»

Своего личного секретаря Михаил Александрович вынужден был сменить в конце 1912 года, после того, как прежний его помощник, Анатолий Мордвинов, не посмев ни в чем противодействовать

императору Николаю, занял враждебную позицию по отношению к роману великого князя с Натальей Сергеевной. Долго искать нового секретаря Михаилу не пришлось, подходящего человека он нашел в своем приятельском кругу бывших сослуживцев. Николай Николаевич Джонсон окончил Михайловское артиллерийское училище – да, то же училище, что и сам великий

князь. Перед переходом на новую должность (секретарем) служил в русской армии. По своему происхождению он был «полукровкой», как принято говорить в таких случаях, то есть выходцем из смешанной межнациональной семьи.

Новые документы, ставшие достоянием историков совсем недавно, позволяют сегодня уточнить, скорректировать и даже опровергнуть некоторые семейные предания, до сих пор бытующие среди представителей разных ветвей этого рода. Благодаря исследованиям и активным интернет-поискам, проведенным заведующей пермской духовной библиотекой Л.П. Марковой, удалось выйти на потомков секретаря, живущих в Европе. В августе 2017 г. внучатый племянник Н.Н. Жонсона (так по документам) Владимир Быстров посетил Пермь. На встрече, прошедшей в городской библиотеке имени Пушкина, гость рассказал о своих корнях; тогда же он провел своеобразную фотопрезентацию-экскурс в родословную, которая оказалась довольно сложной и запутанной.

Отвечая на наш вопрос о последних днях жизни Николая Николаевича, Владимир признался, что поступок его предка, оставшегося рядом с великим князем до смертного часа, вызывает лично у него глубокое уважение.

В тот же приезд гость передал копии документов, касающихся родословной, в пермский архив (в ПермГАСПИ).

Итак, согласно этим документам, отцом Николая был капитан 3-й гвардейской гренадерской артиллерийской бригады Николай Александрович Жонсон, происходивший из дворян Новгородской губернии, имевший православное вероисповедание, родившийся 9 октября 1842 г. и умерший 30 августа 1877 г., кавалер орденов Св. Станислава II и III степеней и Св. Анны III степени.

Матерью Н.Н. Жонсона была супруга офицера 3-й гвардейской гренадерской артиллерийской бригады Н.А. Жонсона Луиза Александровна Жонсон, имевшая лютеранское вероисповедание и в девичестве носившая фамилию фон Крейслер. Она была дочерью действительного статского советника Александра Георгиевича фон Крейслера, жившего в Лифляндской губернии Российской империи. Согласно генеалогическому древу семьи фон Крейслер, ее представители с XVIII века проживали на территории Прибалтики и Польши.

Таким образом, мы можем теперь на документальной основе, а не на семейных преданиях, с уверенностью говорить о том, что Николай Николаевич не был по отцовской линии англичанином. Но оказалось, что и его мать Луиза Александровна – не англичанка, она выходец из прибалтийских немцев. Можно предположить, что «английский акцент» в родословии появился на основании того, что в 1914 году, когда Михаил Александрович с женой Натальей Сергеевной и секретарем Николаем Николаевичем вернулись в Россию, Луиза Александровна решила не возвращаться, она осталась в английском имении М.А. Романова, в Небворте.

ДРУГ И ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО

Секретарь из Джонни (а именно так звал своего помощника великий князь, да вся прижизненная корреспонденция дошла до нас только с одним вариантом написания фамилии – Джонсон) получился просто незаменимый. Николай Джонсон знал три языка. Что любопытно, на английском он говорил с акцентом и гораздо хуже самого Михаила Александровича, «который вполне мог сойти за англичанина».

Некоторые черты личности секретаря, человека незаурядного, мы можем представить по воспоминаниям, письмам, фрагменты которых приведены в самом полном исследовании супругов Кроуфорд «Михаил и Наталья». Круглолицый, среднего роста, общительный и улыбчивый, Николай Николаевич был очень музыкален, собственно, они и с Михаилом Александровичем так быстро сблизились благодаря любви к музыке. Известно, что великий князь в молодые годы с увлечением занимался композицией, написал неплохой вальс, арию, он хорошо играл на разных инструментах, предпочитая, однако, гитару. Джонсон часто аккомпанировал Романову на рояле.

Другой факт. В дневнике великого князя Михаила Александровича за 28 сентября 1916 года находим такую запись. «...Стрелял из нового кольта 45 калибра, у которого великолепный бой, затем из парабеллума... Вечером мы все пили шоколад, которым нас угощал Джонсон по случаю (как он утверждал) дня своего крещения...»

Дональд Кроуфорд, приехавший на пермскую презентацию своей книги, в беседе с автором этих строк на вопрос о Джонсоне ответил утвердительно: «Да, он был по мироощущению русским православным человеком».

Джонсон выполнял самые щепетильные поручения великого князя, а в отсутствие Михаила Александровича находился рядом с его супругой, стараясь поддерживать ее в трудных ситуациях. Сам Джонсон жил в Гатчине отдельно, на квартире по ул. Багвотской, то есть, «приживалкой» его никак не назовешь, он сохранял самостоятельность в образе жизни.

В решающие, переломные дни февральской революции – Джонсон рядом с Михаилом Александровичем, в самые критические моменты. Он выполняет его поручения, теперь уже можно сказать, исторические распоряжения. С ним же – под арест, и не однажды... Джонсон вступил также в контакт с британским послом Бьюкененом, и именно благодаря ходатайствам посла Михаил Александрович был выпущен из-под ареста. Но принять опального Романова правительство Великобритании отказалось.

А 7 марта Михаил Романов и Джонсон были арестованы в Гатчине, в доме на Николаевской улице. Дальше их путь лежал на Урал...

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА С КОРРЕСПОНДЕНТОМ

За две недели до трагической развязки ссыльный гражданин Михаил Романов принял в своем номере корреспондента Яблоновского, от центральной газеты «Свобода России». В дневнике записи 26 мая 1918 г. Михаил Александрович делает характерное примечание насчет цели этой встречи: «Конечно, не для того, чтобы он обо мне писал в газете, а просто с ним интересно поговорить».

Пишется это, скорее всего, для чужих глаз, ссыльный гражданин Романов не играет в опасные игры с властью. Но он же встречается с журналистом, как мог тот не написать о такой важной встрече!

И написал. Правда, спустя несколько лет, уже будучи в эмиграции. В Париже, в журнале «Голос минувшего на чужой стороне» в первом номере за 1926 год появилось интервью

С.В. Яблоновского с великим князем Михаилом. Точнее, расшифровка беседы, потому что пермский блокнот, в который весной 1918-го журналист записал состоявшийся разговор (длившийся почти три часа!) условными сокращениями, у него украли. Вскоре Яблоновскому пришлось уехать, оказавшись в безопасности, он восстановил запись по памяти.

Инициатива встречи исходила от председателя местного комитета партии народной свободы врача Александровской губернской больницы Владимира Павловича Иванова. Это он подсказал Михаилу Александровичу, страдавшему приступами жестокой язвы, опытному специалисту, Владимира Шипицына.

Организовал встречу Николай Джонсон. Михаил Романов встретил Яблоновского радушно.

– Здравствуйте, – крепко пожал он гостю руку, – рад поговорить со старым знакомым. Да-да, не удивляйтесь, хоть мы и не встречались ранее, но я вас читаю уж двадцать лет, наверное!

Собеседником Романов оказался действительно интересным. Сейчас, в положении ссыльного, он не мог понять и принять «тупую оскорбительную покорность» в русском народе.

Яблоновскому также запомнилось, как свободно и непринужденно вел себя секретарь Романова. На вопрос об отречении от престола Михаил Александрович сказал:

– Теперь я все более убеждаюсь в правильности своего решения.

«Проститься дайте!» (Проект памятника Михаилу Александровичу и Николаю Джонсону, скульптор Р. Веденеев).

В память о Николае Джонсоне
в Свято-Троицком Стефановом
монастыре. Март 2018 г.

Представьте себе, Джонсон с ним не согласился! Он горячо вступил в беседу и начал убеждать своего «патрона», что если бы в те решающие дни с ним рядом оказались другие люди, надежные и честные, все могло обернуться по-иному! Корреспондента такой поворот в разговоре очень поразил, а Михаил Александрович на реплики своего помощника реагировал спокойно и не особо противоречил.

Уже при прощании Николая Джонсон еще раз удивил журналиста, задав ему неожиданный вопрос... из разряда некорректных:

– А скажите нам, пожалуйста, каким вы нашли состояние Михаила Александровича? Вы же тоже, конечно, читали в некоторых газетах, что он, якобы, в плохом состоянии, нервный и прочее?

Яблоновский развенчал эти газетные домыслы, причем вполне искренне.

Это был последний контакт ссыльного гражданина Романова с внешним миром, с представителем свободного общества.

...Сцена казни многократно описана. Потрясает то, как в последнюю минуту Михаил бросился с распростертыми руками к своему другу со словами, обращенными к палачам:

– Проститься дайте!..

Золотые часы Михаила оказались потом у главного пермского милиционера Василия Иванченко. Серебряные часы Николая Джонсона прибрал другой боевик, Андрей Марков. Впрочем, есть сведения, что часы секретаря остались в одной из мотовилихинских семей, у людей, которые нашли останки убитых и перезахоронили их по-христиански в известном только им месте.

Будем надеяться на появление новых данных, свидетелей и документов.

ВСЕГО ОДНА БУКВА

Что касается «новой» фамилии Николая Николаевича. Известно, что большевики все годы стремились доказать «чуждость» Михаила Романова, они писали, что его окружала всякая «контра», в том числе и «англичанин Брайан». Пермские большевики иногда называли Джонсона «Сельтисон» – был тогда такой сорт дешевой колбасы. Нам кажется, тогдашние пермские революционеры ничем не хуже современных журналистов из «желтой прессы», которые «перекрестили» Николая Николаевича даже в «Брайтона»?

Потомок секретаря – Владимир Быстров – живет в Чехии. Однако на территории современной России также проживают его родственники. В 2009 году в Пермь приезжали сестры Гришины (Крутиковы), родственники Николая Джонсона по женской линии, живущие в Ленинградской области. Они-то и привезли новые данные и фотографии о семействе Крутиковых-Джонсонов. Частично эти документы и воспоминания сестёр были сразу опубликованы в пермских газетах автором этих строк, затем вошли отдельной главой в мою книгу «По царскому следу» (ПКИ, 2014). В семьях сестер также «всю жизнь знали», что Н.Н. Джонсон являлся русским подданным православного вероисповедания. Отметим, что они пишут фамилию через «Д», как и московские представители этого славного рода, в частности, Н.Б. Крутикова, не раз участвовавшая в Романовских чтениях в Перми.

Обмен новыми данными, документами полезен и просто необходим в постоянном процессе поиска истины. Когда я показал Владимиру Быстрову фотографии из семейного архива сестёр Гришиных, он почти всех опознал на общей фотографии Крутиковых-Джонсонов. Владимир неплохо говорит по-русски, по профессии журналист, менеджер.

По его мнению, ничего странного нет в том, что в их родственном кругу в разных странах есть Жонсоны и Джонсоны. Во всяком случае, нам никуда не деться от того, что самое распространенное и укоренившееся написание фамилии «Джонсон» мы встречаем и в

дневниках самого Михаила Романова, и в книге супругов Розмари и Дональда Кроуфорд «Михаил и Наталья» (издание на русском языке 2008 года), а также в трудах московских историков В.М. Хрусталева и др. Здесь ситуация схожа с сэром Родериком Мэрчисоном, фамилию которого ранее привычно писали как Мурчисон. Корректнее применять двойную транскрипцию, если угодно.

На поверку выходит, что о бурных, драматических событиях XX века мы знаем еще очень мало, и познания эти, увы, отрывочны, разрозненны и подчас противоречивы. Вот пример. Сестры Елизавета и Людмила Гришины (Крутиковы) приезжали в наш город, чтобы помянуть близких, навестить могилы... своих родственников Романовых. Именно Романовых! Дело в том, что старшие Крутиковы были репрессированы, в 1930-е годы их выслали из Ленинграда; инженер Борис Крутиков работал в Молотове, на строительстве Камской ГЭС. И вот бабушка упомянутых сестер (чьё детство прошло на камских берегах), Анна Александровна вышла замуж за пермяка и стала... Романовой по мужу. Похоронена она на одном из пермских кладбищ.

Поистине символическая встреча произошла в Перми в июне 2018 года, в дни, когда отмечалась 100-летняя годовщина гибели царской семьи на Урале. На здании бывших Королевских номеров (ул. Сибирская, 5), по соседству с мемориальной доской в память М.А. Романова была открыта доска в честь его верного секретаря и друга. На открытии присутствовали многочисленные родственники, Жонсоны и Джонсоны, приехавшие из Москвы и Петербурга, Чехии и Таиланда...

Литература

1. Гладышев В. По царскому следу. Династия Романовых и Прикамье. – П., 2014.
2. Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 1915-1918. /Сост. В. Хрусталева. – М., 2012.

**Скованы навек.
Недорисованный портрет
Михаила «Второго»**

Михаил Александрович –
великий князь. 1904 г.

...В недавно вышедшем путеводителе «По старой и новой Мотовилихе» (П., 2016) можно прочитать следующее:

«...Где-то в окрестностях Большой Язовой закончилась жизнь последнего российского императора Михаила Романова. Получив из рук своего брата Николая власть над 1/6 частью суши, Михаил править вздыбившейся страной не захотел и передал эту честь собранию народных представителей. Народ не поверил в искренность его поступка (!?) и на всякий случай избавился от гражданина Романова...»

Все бы в этом тексте было правильно, но выражение «народ не поверил...» некорректно, если не сказать больше. Оно по сути своей неверно. Как известно, Михаил отрекся от трона не совсем, а в пользу будущего Учредительного собрания, которое было насильственно разогнано большевиками. Вот кто на самом деле узурпировал власть. А отсюда уже проистекает и движение Комучей (Комитетов по созыву Учредительного собрания) по всей действительно вздыбившейся стране. Движение, которое по характеру своему вполне народное. И гражданская, братоубийственная война, с миллионами человеческих жертв, – тоже отсюда.

Конечно, умиляет и оборот в процитированном тексте «на всякий случай избавился». Между тем, по опубликованным и вновь выявленным документам четко прослеживается то, как планировалось убийство Михаила группой Г. Мясникова, с прямым участием большевистских руководителей. Главной

целью боевиков было: ликвидировать ссыльного гражданина Романова, чтобы его не использовали враги как «знамя контрреволюции».

«Акт народной мести» стал на самом деле варварским убийством, поскольку открытого суда над Михаилом не было и не могло быть, потому что его не за что было судить. По мнению ряда исследователей, единственной виной Михаила II можно назвать то, что он на одни сутки оказался последним императором России, положившим конец всем легитимным попыткам восстания монархии, вступления кого-либо на трон...

Память об августейшем ссыльном пермяки хранят. Историки, краеведы изучают историю жизни, любви и гибели Михаила Александровича. На предполагаемом месте убийства М. Романова и Н. Джонсона установлена ЧАСОВНЯ благоверного князя Михаила Тверского, небесного покровителя Михаила Александровича (микрорайон «Чапаевский», ул. Целинная).

По ходатайству Пермского отделения общества охраны памятников (ВООПИК) Михаил Александрович реабилитирован как жертва политических репрессий.

XXX

«Его Величеству императору Михаилу: недавние события заставляют меня принять вынужденные меры. Прости, что не предупредил о своем намерении: не было времени. Навсегда остаюсь твоим преданным братом. Молю Бога помочь тебе и нашей стране. Твой Ники».

(Телеграмма Николая II брату после его отречения от престола в пользу Михаила 3 марта 1917 года).

Михаил II – это младший брат отрекшегося царя, великий князь Михаил Александрович Романов (1878-1918). «Калиф на час...» Удивительна судьба этого человека, он дважды за свою короткую жизнь становился ключевой политической фигурой в русской истории – и каждый раз вопреки своему желанию! Первый раз – в 1917 году, когда Николай Романов отрекся от престола в пользу младшего брата, назвав его Михаилом II. Второй раз –

в самый разгар гражданской братоубийственной бойни, когда в схватке за власть на него, уже ссыльного гражданина Романова, узника Перми, ставили не только русские монархисты, но и зарубежные державы.

...Когда Александр III умирал, около него собралась вся семья, рядом был и великий праведник и молитвенник отец Иоанн Кронштадтский. 15-летний Миша гладил руку отца. Император ласково посмотрел на любимого сына и, сказав: «Душка...», испустил дух.

Михаил Романов был обаятельной личностью, вот уж действительно душкой, его многие любили, и было за что. Бог наградил Мишу широкой душой и разнообразными способностями.

Пожалуй, впервые более-менее цельное впечатление о нем как личности пермяки получили на московской выставке «Российские императоры», работавшей в залах Пермского краеведческого музея в год 80-летия расстрела Михаила Александровича Романова. Среди редких экспонатов, произведений искусства из собрания Государственного исторического музея были детские фотографии великого князя, его рисунки, портреты. По одному автографу стало ясно, что Михаил помогал комплектованию Исторического музея имени Александра III, будучи председателем попечительства музея. Перед нами в сжатом виде словно развернулась вся жизнь последнего российского императора (пусть и на один день) – вплоть до гибели...

Он получил прекрасное домашнее образование, учителями и наставниками царских детей, в частности, Миши, были известные ученые, правоведы, экономисты, мыслители, такие, как С.Ю. Витте, С.Ф. Платонов, К.П. Победоносцев, А.А. Половцов и др.

Уже в детстве Миша, как говорят в таких случаях об одаренном ребенке, подавал большие надежды по разным предметам, еще не умея сосредоточиться на чем-то главном. Его педагог А.А. Половцов, председатель Русского Императорского исторического общества, наблюдал за ним и формировал его взгляды

на протяжении нескольких лет. Позже он так отозвался о своем бывшем ученике:

«Он способен добиваться цели без лишней суеты, но с непреклонной твердостью».

Одну из работ, написанную Михаилом в форме реферата, о значении Отечественной войны 1812 года для России, сочли возможным опубликовать в «Историческом вестнике». И надо сказать, для самого автора эта публикация имела не меньшее значение, чем последовавшее позднее награждение его медалью «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.».

С 1901 года являлся членом Государственного Совета. Михаил получил военное образование, окончив в 1901 году Михайловское артиллерийское училище. Служил в лейб-гвардии в Кирасирском полку, затем в Преображенском полку; неплохо показал себя в должности командира 17-го Черниговского гусарского полка. Во время Первой мировой войны командовал кавалерийской Кавказской туземной (Дикой) дивизией.

Американец Стэнли Уошберн, работавший в России военным корреспондентом, посетил Дикую дивизию, не раз наблюдал брата царя в боевых действиях, в деле. И не смог сдержать своего восхищения полководцем:

«От него исходит тот же упрямый оптимизм, который ощущается во всей русской армии... При этом он настолько прост и демократичен, насколько можно себе представить».

Демократичность натуры Михаила отмечал и писатель Александр Куприн. Удивительное совпадение впечатлений, исходящее от двух столь разных людей, американского репортера и русского литератора.

Тот факт, что Михаил как наследник престола и самый вероятный претендент на него (наследником стал с 1889 года, после смерти брата Георгия, и до 1904 года, когда родился цесаревич Алексей) всегда находился в центре внимания и под прицелом у всевозможных недоброжелателей, подтверждается целым рядом исторических источников и свидетельств современников. Уже при первом аресте великого князя, в августе 1917 года в Гатчине, тогдашний военный

министр Временного правительства Борис Савинков (еще недавно бывший отчаянным террористом) издал приказ Главнокомандующему войсками Петроградского военного округа:

«...Задержать быв. Вел. Кн. Михаила Александровича как лицо, деятельность которого представляется особо угрожающей обороне Государства, внутренней безопасности и завоеванной Революцией свободе».

Перепечатав на машинке содержание приказа Савинкова в свой дневник, Михаил приписал от руки:

«Настроение у нас возбужденное, но бодрое, ибо совесть чиста».*

Удивительна судьба этого человека, дважды за свою короткую жизнь он становился ключевой политической фигурой в русской истории – и каждый раз вопреки своей воле! Первый раз – в 1917 году, когда Николай Романов отрекся от престола в пользу младшего брата, назвав его Михаилом II. Второй раз – в самый разгар гражданской братоубийственной бойни, когда в схватке за власть на него, уже ссыльного гражданина Романова, узника Перми, ставили не только русские монархисты, но и зарубежные державы.

Он не был идеальным человеком. Об этом приходится говорить, потому что в последнее время появилось несколько его биографий, написанных в откровенно иконописном, довольно поверхностном тоне. Между тем, говорить надо в данном случае, как нам кажется, о трагическом расхождении целей и предназначения человеческой личности. Был неприятный случай, когда Михаил ради любимой женщины пошел на обман своего венценосного брата, и это послужило поводом для долгой, мучительной размолвки августейших родственников.

Не искушенный в политике, Михаил с определенного времени считал для себя оптимальным вариант частной семейной жизни. Поэтому он, человек увлекающийся, так много времени «терял» на театры, на синемаграф, на спорт. Хотя, с другой стороны, все это говорит о его упорной работе над собой, над

* *Запись от 23 августа, ГАРФ, ф.668, оп. 1, д. 136., л. 231-232.*

своим духовно-нравственным и физическим развитием. Привычкам своим он не изменял даже в стесненных условиях пермской ссылки, чего стоят его многокилометровые прогулки!

Если вспомнить символическую картину Бориса Кустодиева с образом гиганта-большевика, шагающего по красной России, то в такой же диспозиции можно легко представить фигуру Михаила в распахнутой шинели, широко шагающего по Перми и – перешагивающего город.

Михаил Александрович состоял почетным председателем и щедрым покровителем бесчисленных благотворительных, научных и просветительских обществ, в том числе: автомобильного, воздухоплавания, географического, фотографического. Весьма состоятельный человек, Михаил вел очень широкую благотворительную деятельность. Об этом с благодарностью вспоминают в последние десятилетия во многих возрожденных общественных, научных, культурных организациях.

В частности, великий князь Михаил Александрович был в числе Почетных членов Российского попечительства о глухонемых, возглавляла которое государыня императрица Мария Федоровна. Эта забытая страница русской истории благотворительности раскрывается в истории возрождении общины глухих и слабослышащих при Свято-Троице-Стефановском монастыре г. Перми).*

В июне 1908 года через Пермь и Кунгур проходил один из первых международных автопробегов Нью-Йорк–Париж. В Петербурге немецкому экипажу, прибывшему первым (он стал в итоге и победителем «кругосветки»), был вручен приз от великого князя Михаила Александровича, Августейшего покровителя Российского автомобильного общества. Приз представлял собой золотую братину с монограммой Михаила Романова. (Сведения краеведа И.В. Плотникова).

Был и такой случай. В то время, когда Михаил Александрович переживал довольно нелегкий период своей жизни

* В. Гладышев. *Жить, не обижаясь на судьбу.* // «Православная Пермь», № 1-3. 2013 г.

(связанный с женитьбой), он получил необычную депешу из Перми. Накануне 300-летия Дома Романовых белогорский проповедник игумен Серафим (Кузнецов) задумал посвятить юбилею свой журнал «Голос долга». Журнал выпускался в Белогорском монастыре. Кстати, эта духовная обитель появилась в память «счастливого избавления» Николая Александровича Романова, в бытность его наследником трона. (Во время путешествия по Японии в 1891 году на цесаревича напал самурай и ранил его саблей; с тех пор в арсенале ругательств русского народа появилось выражение «японский городской»). Нужно отдать должное игумену Серафиму, который на страницах журнала опубликовал в 1916 году статью в защиту царской фамилии, под названием «Оклеветанная семья». Иеромонах Серафим передал выпуск журнала за 1912 год нескольким Августейшим лицам, в том числе и великому князю Михаилу Александровичу. И незамедлительно получил благодарность Его Высочества (через его адъютанта) в следующих словах:

«Поручая себя молитвам Вашим, прошу Ваше Высокопреподобие принять уверения в совершенном моем уважении и истинной преданности».*

Некоторые мемуаристы писали о Михаиле, что это был чрезвычайно скромный и застенчивый человек. Высокие нравственные и человеческие качества помогли ему снискать любовь и уважение окружающих людей из разных слоев общества. Последний штрих к духовно-нравственному портрету Михаила добавляют слова Николая Джонсона. Секретарь и друг Михаила Романова, добровольно разделивший его путь на Голгофу, накануне расстрела сказал своим палачам:

«Зачем вам расстреливать меня? Богатствами я не обладаю, живу на жалованьи. Есть у меня одна лишь старуха мать. Михаил также расстреливать не за что, он человек либеральный, его любит народ»**.

* *Голос долга. – 1912, № 5.*

** *Цит. по: Страницы прошлого. Смышляевские чтения, вып. 4, «Зеленая папка», 2003, документ хранится в архиве Л.С. Кашихина, частное собрание.*

Уже в последний миг своей жизни великий князь бросился к своему другу со словами: «Проститься дайте!»

Михаил Александрович Романов был причислен к лику святых новомучеников Русской православной зарубежной церковью еще в 1981 году. Когда принималось это судьбоносное решение, учитывалось многое.

В царской семье он получил высоконравственное воспитание в духе любви и почитания своих родителей, Отечества и святой церкви. Михаил вел всегда воцерковленный образ жизни, даже в условиях пермской ссылки. Достойны подражания его патриотическое поведение в годы Великой войны (с германцем) и его упорное противостояние развязыванию гражданской бойни. И сегодня многих восхищает способность Михаила Александровича беззаветно любить женщину, самоотверженно защищать семейные узы и детей своих – это поистине дар божий. И, конечно, потрясает трагическая, мученическая, поистине праведная гибель его.

В 2009 году Генпрокуратура РФ, в ответ на запрос Пермского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), реабилитировала Михаила Александровича Романова как жертву политических репрессий.

...Иногда он напоминает князя Мышкина из романа Достоевского «Идиот». Михаил тяготился своим высоким положением, это многие замечали. Как ни странно, его «легковёрность» отмечали такие разные люди, как брат Николай II и Наталья Брасова, жена.

Перед глазами встает одна встреча, забавная и печальная одновременно. Было это в конце июля 1917 года. Михаил со спутниками ездил в Петроград на своем моторе марки «паккар». На обратном пути в Гатчину, на Пулковском шоссе деревенский мальчик бросил под колеса автомобиля бутылку. Авария! Джонсон и Михаил выскочили из авто и побежали за маленьким разбойником. Гнались по полю полверсты – не догнали. Пошли чинить шину...

А в Гатчине, вечером, когда Михаил с друзьями разожгли костер и пекли картошку, к ним подошел на огонек мужичок-

чухонец, лет 45. Михаил пишет в дневнике: «Разговорились с ним, накормили. Пикник получился веселый и удачный»...*

Временами Михаил приходил в отчаяние от понимания того, какая непреодолимая стена стоит между народом и представителями его круга.

Трудно не согласиться с историком В.М. Хрустальевым, который в своей книге о Михаиле пришел к такому выводу: «Династия Романовых, олицетворявшая в общественном мнении реакционные силы старого мира, оказалась политическим заложником в вооруженном противоборстве двух непримиримых лагерей на переломном рубеже истории России».

Из дневника М.А. Романова (запись сделана 2 сентября 1917 г.): «...Неважно, какой будет форма правления. Главное – порядок и правосудие...»**

Порядок и справедливость... Две эти вещи волновали последнего русского царя накануне гибели сильнее всего. Как, ценой чего достичь порядка, основанного на справедливости? Вечный русский вопрос...

Михаила Романова рисовали несколько придворных живописцев. Но самыми известными стали не его законченные парадные портреты, при всех орденах и регалиях, а эскизы. Один сделан к картине Ильи Репина «Заседание Государственного совета». Другой – портретный набросок генерала М. Романова, в фуражке и шинели. Этот рисунок неизвестного художника разошелся по России в тысячах открыток.

Это состояние незаконченности, неопределенности присутствует и в судьбе Михаила Александровича. Время дорисует портрет обычного человека на фоне великой исторической драмы.

* ГАРФ ф.668, оп.1, д.136, л.208-210.

** ГАРФ, ф.668, оп.1, д.136, л.208.

Коммерческий директор

Абатуров
Иван Назарович

Он стоял на высоком берегу и напряженно всматривался вдаль – вниз по течению, спрятанному глубоко подо льдом. Видимость в тот день была отличной, километрах в пяти, из-за поворота Вишеры, среди белого полотна снега должна была появиться черная точка. И, наконец, она появилась, медленно увеличиваясь в размерах. Он ждал этого мгновения три долгих года. Он не выдержал и побежал навстречу тому санному обозу, который вез ему любовь и счастье. И горе, неизбежное, как смерть.

Его мать, Агафью Самойловну, грамотную староверку, и раньше возили на саночках – сельская детвора, которую она учила тому, что такое аз, буки, веди, глаголь, добро... За этим Добром пацаны прибегали прямо к дому и увозили ее на занятия в саночках – так любили Агафью Самойловну. А она только смеялась, исчезая в морозном сибирском тумане.

– Кажется, это было в 1906 году, – вспоминал, прикрывая глаза, Иван Назарович.

Когда в сибирское село Кама были присланы священник, пономарь и учитель, тогда открылась начальная школа. А еще через три года в доме Абатуровых остановился уездный начальник. Пока мать готовила пельмени, он подозвал к себе десятилетнего мальчика: «Ты в школе учишься?» – «Да, вот закончил нынче – с похвальным листом!» – ответила за Ивана мать. – «Молодец! Мамашиа, а ты хотела бы, чтоб сын получил образование? Я помогу».

В семье крестьянина Абатурова воспитывались семь дочерей и один сын. Со временем именно он должен стать поддержкой всех – так думал отец. Поэтому решено было везти Ивана в город Каинск, уездный центр (ныне Куйбышев, что в Новосибирской области).

Агафья Самойловна скрыла, что мальчику нет одиннадцати лет, необходимых для поступления в пятиклассное высшее коммерческое училище. Стоял сентябрь, и на одно остававшееся свободным место собралось пять претендентов. И пока дети сдавали экзамены, городские родители, в том числе и частная торговка, владевшая колбасным производством, насмехались над матерью: «Привезла грамотея...» Насмехались недолго. Вышедший к ним инспектор объявил, что в училище зачислен Иван Абатуров.

Заключенный четвертого отделения Соловецких лагерей особого назначения бежал навстречу обозу, шедшему по льду заснеженной Вишеры. Он бежал все быстрее, пока первая лошадь не оказалась совсем близко. И тогда Иван сошел в сторону, чтобы освободить дорогу.

Не первые сани интересовали его, и даже не остальные девяносто девять. Гэпэушники и заключенные знали, что из Соликамска идет ровно сто повозок. Но всего несколько человек были посвящены в это дело: одна лошадь, запряженная в сани, двигалась позади, на некотором расстоянии от обоза. Потому что люди, сидевшие в тех санях, пробирались в район лагерей тайно и незаконно. Но Иван знал точный день и час, когда они должны появиться. Он задумал это давно и продумал все до деталей. Чекисты будут поставлены перед фактом, а в остальном полагался на Бога, в которого всегда верил.

Свою самостоятельную жизнь Иван начал в десять лет. Мать поселила его в доме вдовы священника. За крышу, питание и стирку Абагуровы платили вдове по четыре рубля в месяц (корова в те времена стоила пятнадцать).

Вскоре мальчика приняли в церковный хор – хороший слух и голос были у него. Он начал петь в соборе и уже через месяц получил три рубля за труды! Он бежал к дому вдовы, крепко зажав целковые в кулаке. А после Рождества Христова, когда дети пели тропари по купеческим и другим богатым дворам, псаломщик раздавал еще по пять-шесть рублей. И теперь Иван ехал на каникулы с гостинцами – сам заработал.

«Самостоятельный парень растет», – радовался отец. Он с семи лет приучал сына к бороне и косе – стоял и смотрел со стороны, как получается. А парень, кроме крестьянского труда, школьную науку прошел, за коммерческую взялся и нотную грамоту освоил. Далекو поидет Абатуров.

Как сказал Арсений Тарковский, *«Тогда еще не воевали с Германией, тринадцатый год был еще в середине, неведеньем в доме болели, как манией...»* Два года всего лишь довелось проучиться Ивану в коммерческом. С началом мировой войны учебные заведения в Каинске были закрыты.

– *Когда я прибыл на Вишеру, меня послали работать на лесопильный заводик на строительстве «Вишихимза»*, – вспоминал этот удивительный старик. – *Он стоял там, где известковые печи. Знаете это место? О-о-о! Каменоломня находилась за рекой. Известь была нужна для отбелики бумаги на комбинате.*

А я подумал, что всех вишерских рулонов не хватит, чтобы описать одну человеческую жизнь.

Одна из сестер Ивана была замужем за поручиком, вернувшимся с Первой мировой войны в крестах. Урядник при встрече с ним делал шаг в сторону и стоял с рукой под козырьком – такую картинку запомнил Иван. А после крестьянского восстания в селе Кама появились колчаковцы, разогнавшие местных партизан. Они построили сто мужчин и расстреляли каждого десятого. Одним из них оказался тот самый поручик – Павел Показанов. Не пощадили героя. «Озлобленность была страшная».

А сам Иван в пятнадцать лет стал делопроизводителем в ревкоме. Позднее занимался сбором и охраной семенного фонда. В двадцатых учился в Каинске – в специальном, «казенном», как его называли до революции, хозяйстве – на мастера-маслодела.

Мария работала с ним еще в ревкоме, и они дружили шесть лет. Поженились и родили двоих детей – мальчика и девочку. Сестры Ивана вышли замуж, и старики жили с Иваном. И еще долго бы жили...

Потом он стал членом ревизионной комиссии Союза западносибирских маслоделов и ожидал от будущего только счастья. Красавцу парню было двадцать шесть, когда его провели по все-

му селу с заложенными за спину руками, как последнего бандита. И вооруженные милиционеры повезли арестованного за семьдесят километров, в Каинск, в тюрьму, где Иван провел первые в своей жизни четыре месяца неволи. Там он узнал, какую кадку называют парашей.

На допросах следователь-гэпэушник упорно сводил дело к тому, что в Каме готовился заговор. И свел – всем пятерым внесудебным порядком дали по три года. Это было время еще детских сроков.

– Манечка успела привезти мне теплое. А потом была омская тюрьма, старинная, екатерининская, будь она трижды проклята! Муравейник вшей. О том, чтобы поспать, и речи не было – все сидели, трясли, ловили, били, давили. Еще немного, и живьем бы нас там сожрали...

Вывались в Казань, а оттуда прямо в Москву, в знаменитую Бутырскую тюрьму. В камерах поговаривали о Соловках, но этап повезли обратно, пока не выгрузили в Соликамске. Выдали по черствой и мерзлой буханке хлеба. И по пятидесятиградусному морозу повели колонну пешком. Ночевали в пустых брошенных домах, на охапках соломы. Но через каждые два часа пьяные конвоиры, одетые в теплые полушубки, поднимали этап на поверку и по нескольку раз кричали «Ложись!» И люди безропотно падали на снег – в течение шести суток пути. В конце концов, вышли к Соловкам, оказавшимся на Северном Урале. Удивительное дело – глубоко материковые зоны оказались 4-м отделением Соловецких лагерей особого назначения – СЛОНом.

– Подумаешь, три года! Вы молоды – наберитесь терпения. Мы смертные приговоры не успеваем рассматривать, – так сказал прокурор Марии, когда та приехала в Москву. Тогда она написала жалобу в Новосибирское ОГПУ, но ответа получить не успела.

Старика Назара Абатурова лишили избирательных прав. И раскулачили: хозяйство разграбили, всю семью Ивана – отца, мать, жену и двоих детей – выслали на север Сибири, за Васюганские болота. Тот обоз с раскулаченными от деревни до деревни сопровождали верховые с ружьями.

– *Шпана местная...*

Бывший ревкомовец назвал комбедовцев таким точным словом, что сразу вспомнились нынешние комиссары, которых по шахтерски называют «бригадирами», а самих красноармейцев – рэкетирами. Только форму переделали, да влезли в джипы, да ружья стали помповыми.

После бани колонну построили возле двух еще свежих барачков сангородка. За заснеженным руслом Вижаихи, притока Вишеры, тянулся забор с колючей проволокой – там находился лагерь. И какой-то начальник, вышедший к этапу, произнес слова, которые Иван Назарович запомнил до конца жизни: *«Думаете, вас пригнали сюда на лечение? Вас прислали на истребление!»*

Человек девяносто четырех лет, сидевший напротив меня, неожиданно засмеялся. Абатуров прожил, как я понимаю, столько, что может позволить себе все, ведь он пережил своих палачей и остался единственным судьей жестокого прошлого.

– *Так сказал ротный нашего барака – сам бывший зэк. Впрочем, там вся администрация оказалась из бывших. В крайнем случае – из будущих.*

Ну вот, значит, так началась история Вишеры...

Заклученных, как выразился Абатуров, «зря не держали». А Иван делать мог всё, что сразу было отмечено. *«Потом появились южане в халатах – я кричу им: что стоите? Вы же замерзнете!»*

Так он попался на глаза начальнику по производству, отцу будущего Генпрокурора СССР – того самого, что выступал с обвинением на Нюрнбергском процессе. Александр Дмитриевич Руденко поставил Ивана учетчиком на 2-й лесозавод. *«И я стал самым маленьким начальником».*

И там, в лагере, Абатуров снова решил учиться – достал литературу, начал изучать древесину, ее разновидности и качество. Был назначен брокером - специалистом, который оценивает качество продукции. И даже получил право жить вне зоны – в сколоченной у лесозавода хибаре. Тогда и задумал то, что сделал в феврале.

В такой же хибаре жила семья Ивана за Васюганскими болотами, ширина которых 80 километров. Жена была беременна,

и тот ребенок, сын, что родился, вскоре умер. Мария за кусок сахара стирала белье гэпэушникам. А через полгода в село Кама пришел ответ из ОГПУ: признать невиновными... И племянник Ивана, подросток, рванул на лошади к северу, за 300 километров от родного села.

День и ночь думал о них Иван в далекой уральской тайге.

Иван Абатуров стал старшим брокером. Он уже мог заказать себе повозку с кучером или верховую лошадь. И потихоньку, отказывая себе в лишнем, копил сухие пайки – готовил склад продуктов.

Вишерский комбинат был построен, а Иван заматерел и оброс связями. *«Пора действовать!»* – сказал он себе. Через кузнеца Сергея Судницына отправил семье несколько посылок. Шел 1932 год. Срок еще не закончился, а на родине ничего не было, кроме разоренного дома, родные жили на квартире.

Абатуров послал туда письмо, в котором подробнейшим образом проинструктировал семью, как надо действовать: какого числа, на чем и куда прибыть, у кого остановиться в Соликамске, как нанять лошадь, когда и за кем двинуться в путь. Договорился с морчанским кузнецом и старшим обоза, который ему был обязан.

Александр Дмитриевич Руденко до 1917-го служил начальником жандармского управления и одновременно поддерживал связь с политическими – такой «двойной агент». Большевики не забыли об этом, и Руденко стал командиром полка. Правда, потом они не забыли еще раз – и дали ему, на всякий случай, 10 лет, которые он и провел на Вишере. Александр Дмитриевич и назвал Ивану фамилию: Филиппов, заместитель начальника лагеря. Тот самый чекист Филиппов, о котором старый лагерник Варлам Шаламов писал *«Филиппов любил людей, любил и умел делать добро людям. Ведь людям делать добро трудно – надо не задеть самолюбия, надо угадать или понять чужое сердце, если не чужую душу»*. Трудно поверить, что речь идет о заместителе Берзина, но не поверить Варламу Тихоновичу невозможно.

Санний обоз двигался по льду реки трое суток. Когда мимо Ивана прошла сотая лошадь, он поднял глаза – и побежал... Он

бежал навстречу саням и плакал. Он обнимал-целовал детей, жену и своих стариков. А вокруг стояли непроходимая тайга и дикий мороз, от которого некуда скрыться. Чтобы выжить, оставался только один путь.

– *Я возвращаюсь, а вы поедете направо. Минуете первый отворот, а потом будет второй. Там свернете. За церковью – дом двухэтажный. Хозяина звать Сергей Судницын, он ждет.*

У Вижаихи стоял двухэтажный барак, в котором находилось управление лагеря. «*Ты ко мне?*» – спросил Филиппов поднявшегося при его появлении Абатурова. – «*Да*», – ответил Иван. – «*Заходи*».

Абатуров, здоровый парень, бывалый, встал посреди кабинета – и ноги его подкосились. Он сделал не то, что хотел, а то, что никогда в его жизни не было – ни до, ни после: он упал на колени. «*Что с тобой?*» – изумился гэпэушник. – «*Виноват, начальник, – сказал Иван, – наказывайте... Семью свою вызвал сюда*». – «*Ты у нас, кажется, старший брокер?*» – «*Да*». – «*И срок у тебя скоро заканчивается?*» – «*Да...*»

Бывший жандармский офицер Руденко разбирался в людях – он знал, к кому направить Абатурова. Филиппов разрешил остаться семье Ивана, и более того – выделил квартиру.

После освобождения Иван был задержан еще на пять лет – теперь уже ссылки. Вскоре у него одна за другой родились две дочки. И он вызвал к себе младшую сестру. Но, как писал тот же Тарковский, тогда «*судьба по следу шла за нами, как сумасшедший с бритвою в руке...*»

В 1934 году выше вишерского водозабора была сброшена какая-то больничная зараза – и брюшной тиф в одночасье унес жизни девятисот человек! Среди которых мать, отец, сестра и две дочери Абатурова. Самое страшное время в его судьбе. За него самого врачи боролись 32 дня – и с тех пор вот уже шестьдесят лет он не может смотреть на молоко – столько тогда пришлось выпить, без крошки хлеба.

Братская могила семьи Абатуровых появилась на вишерском кладбище. А сам он остался инвалидом, но продолжал работать.

В 1937 году вторично арестовали Александра Дмитриевича Руденко и увезли в Соликамскую тюрьму. Вскоре отпустили, он вернулся, но не выдержал потрясения и умер.

На фронт Абатурова по состоянию здоровья не взяли. Он организовывал работу военного госпиталя в Перми и от всяких повышений категорически отказывался. Тогда директор вишерского комбината не выдержал и решил вопрос сам. Приехал из Москвы и достал из портфеля бумагу, приказ министра СССР: Абатуров Иван Назарович назначается коммерческим директором Вишерского целлюлозно-бумажного комбината...

Бывший зэк, человек, пришедший в тайгу под конвоем, пробыл в этой должности 20 лет. И, проносив клеймо врага народа в течение 64 лет, лишь в 1992 году был реабилитирован и назван жертвой политических репрессий.

«У меня было три дочери – Вера, Надежда, Любовь, – говорил Иван Назарович Абатуров. – Вера и Надежда умерли. Осталась одна Любовь. – Потом помолчал и добавил: – Хорошей женщиной была моя Мария Петровна».

**«С ужасом думаю о жизни в Молотове»,
или четвертая молодость Екатерины Гейденрейх**

На здании Пермского хореографического училища (ул. Петропавловская, 18а) висит мемориальная доска с портретом знаменитой балерины. Текст гласит:

«Екатерина Никодимовна Гейденрейх (1897-1982) – основатель и первый художественный руководитель Пермского хореографического училища».

Гейденрейх Екатерина
Никодимовна

История о том, как жили в годы эвакуации на Урале артисты знаменитых ленинградских театров, известна во многих подробностях, документах и судьбах. В те же годы в Прикамье работала известная советская балерина и педагог Екатерина Николаевна (по паспорту у нее отчество Никодимовна, но оно ей не нравилось) Гейденрейх. Этой женщине суждено было

сыграть заметную, поистине историческую роль в создании пермской школы балета. Но мало кто знает, что на уральской земле она, в отличие от своих коллег-эвакуированных, оказалась совсем по другому поводу, хотя также не по своей воле...

Во время блокады Екатерина Николаевна осталась в родном городе, делила все тяготы вместе жителями осажденного Ленинграда. Но в апреле 1942 года на нее поступило заявление от «бдительного товарища» (стукачей было немало и в театральной среде). Специальным политическим отделом УНКВД Ленинградского военного округа было заведено дело по обвинению Гейденрейх Е.Н. в антисоветских взглядах, которые она выска-

зывала в общежитии хореографического училища, в контрреволюционных высказываниях и т.п.

Затем в деле № 2690-42 появился интересный документ – «Характеристика». В документе непосредственный руководитель Екатерины Николаевны в целом положительно оценивал ее профессиональные качества: *«в качестве преподавательницы классического танца, являясь работником по совместительству в Малом Оперном театре (МАЛЕГОТ) считалась одной из лучших»*. Но дальше шли такие слова:

«...В общественной работе не участвовала и с этой стороны никак себя не проявила. В частных разговорах проявляла болтливость и с большим апломбом высказывала своё мнение по любым вопросам, даже таким, в которых была совершенно не сведуща. В политических вопросах разбиралась слабо.

И. о. директора училища Л. Тагер. 3.04.1942 г.»

Все это, конечно, также было подшито к делу и использовано против обвиняемой. 25 апреля 1942 года военный трибунал войск НКВД Ленинградского военного округа на закрытом судебном заседании в расположении той же внутренней тюрьмы, рассмотрел дело Гейденрейх.

Военному трибуналу потребовалось всего 2 часа 30 минут, чтобы «разобраться» в деле обвиняемой и вынести ей суровый приговор, в котором отмечалось, что *«Гейденрейх Е.Н. в феврале и марте 1942 года по месту жительства, среди своих знакомых проводила клевету на советскую действительность, советское правительство и советскую печать»*. На основании изложенного военный трибунал признал *«Гейденрейх Е.Н. виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 58, п. 10, ч. 2, но не усматривая необходимости применения высшей меры наказания, по конкретным обстоятельствам дела, и руководствуясь ст. 319-320 УПК РСФСР приговорил: Гейденрейх Екатерину Никодимовну подвергнуть уголовному наказанию – лишению свободы сроком на ДЕСЯТЬ ЛЕТ с отбыванием в ИТЛ, с конфискацией личного имущества и с поражением в правах, предусмо-*

тренных ст. 31 пунктами "а" и "б" УК РСФСР, сроком на ПЯТЬ ЛЕТ. Мера наказания Гейденрейх исчислять со 2 апреля 1942 года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Как пишет пермский исследователь Юрий Стецура в книге «Жизнь и судьба балерины Екатерины Гейденрейх», суд не учёл то, что обвиняемая себя виновной не признала, что в деле не было никаких доказательств её участия в «контрреволюционной деятельности», а были лишь слова уставшей одинокой женщины, сказанные с горечью в кругу коллег. Дела и поступки Екатерины Николаевны доказывали обратное. Она честно трудилась в блокадном Ленинграде, в трудных условиях продолжала передавать свой профессиональный опыт ученикам.

Суд не захотел услышать чистосердечное признание подсудимой, которая заявила, что была под впечатлением от страшной зимы в блокадном Ленинграде. Находясь в депрессии, прочитав интервью с руководителем города, который обещал улучшить положение, призывал блокадников потерпеть, давал привычные заверения, что всё скоро изменится... Екатерина Николаевна ему не поверила. Она считала, что в Ленинграде *«не такое уж блестящее положение, что трудностей будет ещё много»*. Она повторила это и в суде. Обращаясь к трибуналу, Гейденрейх рассказала, как в очередях жители города отзывались о вручении Сталинских премий артистам. И не отказывалась от своего мнения, что лучше бы эти деньги пошли на оборону страны.

Отвергая обвинение в том, что она пыталась сеять недоверие к советской печати, Екатерина Николаевна заявила:

«...О сообщениях нашей печати об издевательствах немцев я говорила в присутствии женщины, которая сильно беспокоилась за своего мужа, находящегося в оккупированной немцами зоне. Я говорила, что волноваться не надо, что зверства немцев описывают несколько преувеличенно».

Никакие доводы не были приняты во внимание... Приговором была предусмотрена конфискация личного имущества арестованной. В квартире Гейденрейх на улице Жуков-

ского было много антикварных вещей. В акт, составленный 29 июля 1942 года, было включено более 80-ти крупных предметов и 550 мелких вещей. Рояль и мебель из красного дерева, старинные каминные часы и зеркало в красивой раме, фарфоровые вазы с позолоченной отделкой, старинный сервиз на пятьдесят

Гейденрейх Е.Н.
Худ. З. Серебрякова. 1923 г.

персон, серебряные столовые приборы... Весь антиквариат был оценен в восемь тысяч восемьдесят три рубля. Эта сумма была перечислена в общесоюзный бюджет.

Была конфискована и замечательная коллекция из восемнадцати картин, подаренных балерине художниками З.Е. Серебряковой, Е.Е. Лансере, Н.П. Богдановым-Бельским. Картины ушли в комиссионный магазин, где были проданы практически за бесценок. Пропал на долгое время и самый известный портрет «Гейденрейх в голубом» Зинаиды Серебряковой. Позднее эта работа была передана

частным коллекционером в Курскую картинную галерею.

Целый месяц добиралась Екатерина Николаевна до места отбывания срока. И только 26 июня 1942 года прибыла в Усольский исправительно-трудовой лагерь города Соликамска Молотовской области (ныне – Пермский край).

В лагере Екатерина Николаевна пробыла пять месяцев. 20 декабря 1942 года на основании определения судебной коллегии Пермского областного суда в соответствии с постановлением Верховного Суда СССР от 1 августа 1942 года Гейденрейх была освобождена из Усольлага. Её "вытащили" из лагеря, ссылаясь на решение пленума Верховного Суда СССР от 1 августа 1942 года *«О порядке рассмотрения дел об освобождении из-под стражи осуждённых, заболевших душевной болезнью или тяжёлым неизлечимым недугом»*.

Кто-то помог подвести Екатерину Николаевну к статье «душевнобольная» или «больная неизлечимым недугом» (подагрой) и вызволил таким образом её из Усольяга. Реабилитация состоялась значительно позже.

Предположений о том, кто помог Гейденрейх, было много, но документально ни одну из версий не удалось подтвердить никому, в том числе и автору книги о судьбе балерины. Юрий Стецура пишет о том, что об освобождении Екатерины Николаевны хлопотала Агриппина Яковлевна Ваганова, но никаких ходатайств от театральной общественности в органы власти не поступало.

Около семи месяцев Екатерина Николаевна жила в Соликамске, после чего ссылную удалось перевести в Молотов, где находилось в эвакуации Ленинградское хореографическое училище. Рассказывают, что к просьбам эвакуированных деятелей культуры, прежде всего А.Я. Вагановой, милостиво прислушалось тогдашнее партийное руководство и лично секретарь обкома тов. Гусаров. Как бы то ни было, спустя много месяцев нужды и лишений ссыльная вновь оказалась в родной среде. 5 июля 1943 года по Ленинградскому училищу был издан приказ: *«...Считать Е.Н. Гейденрейх вернувшейся на работу с 23 июня 1943 г. С сего числа поставить на довольствие».*

(Архив Санкт-Петербургской академии русского балета им. А.Я. Вагановой. Публикация Ю.А. Стецуры).

Гейденрейх Е.Н.

С 23 июня 1944 года при Молотовском театре оперы и балета была создана хореографическая студия (с 1 сентября 1945 г. реорганизована в училище). Художественным руководителем студии была утверждена Е.Н. Гейденрейх (приказ от 1 сентября 1944 г.).

Она проработала педагогом специальных дисциплин и художе-

ственным руководителем училища около десяти лет. Всю душу вкладывала в своих учениц, передавала опыт молодым коллегам.

Но... судимость по 58-й статье еще раз аукнулась в судьбе многострадальной балерины. В начале 1950-х по печально знаменитому «Ленинградскому делу» были репрессированы многие безвинные ленинградцы, а также руководители города на Неве. По всей стране прокатились партийные собрания, на которых опять зазвучали призывы «призвать к ответу», «выявить», «сурово наказать» и т.п. А вскоре начались и процессы по делу космополитов, повсюду выискивали «преклонение перед иностранщиной», под арест шли люди с «подозрительными» фамилиями.

Состоялось такое «партийное чистилище» и в учреждении, где трудилась Екатерина Никодимовна. Помимо прошлой судимости, ее обвинили в том, что она «консерватор», «запустила методическую работу», и уж, конечно, «не отвечает современным требованиям» партии и правительства.

Больнее всего было слышать незаслуженные упреки от коллег, с которыми в обычной жизни у Гейденрейх были вполне лояльные и даже приятельские отношения. И даже от тех сослуживцев, которые тоже носили «подозрительные» фамилии!

Финал «слушаний» был таков. С одной стороны, ее наказали, из худруков перевели (приказ директора Н.А. Багиной от 5 февраля 1951 г.). Но, с другой стороны, тут же следует приказ директора училища (тогда еще Молотовского) о назначении педагога Е.Н. Гейденрейх готовить коллектив к ответственному выступлению в Москве. Неформальным лидером школы она оставалась несмотря ни на какие партийные «взбучки».

В декабре 1956 года Е.Н. Гейденрейх добилась своей полной реабилитации и почти сразу уехала в родной Ленинград, который не видела 13 долгих лет...

Помня о том, что пришлось пережить в те уральские годы Екатерине Николаевне, мы с пониманием воспринимаем горькие признания из ее письма приемной дочери, написанные сразу после возвращения в Ленинград:

«...Восхищаюсь всеми улицами, домами. С ужасом думаю о жизни в Молотове. И кроме работы, которая стала меня так мало интересовать, жизнь от меня медленно отлетела и я исподволь готовилась к глубокой старости. Здесь я, глядя на друзей, а главное – на родной город, снова оживаю. Я смеюсь называю это четвертой молодостью».

Понять женщину, столько пережившую, можно и нужно... много горьких, тяжелых воспоминаний было. Но со временем добрые отзывы, теплые приветы, дружеские весточки с Урала потеснили в памяти мрачные воспоминания. Школа хореографии, основанная с ее помощью и под ее руководством на пермской земле, станет знаменитой на весь мир.

ПРАВИЛА ГЕЙДЕНРЕЙХ (Вспоминают ее ученицы)

О своем педагоге вспоминает Елена Владимировна Быстрицкая, 20 лет танцевавшая на сцене пермского театра, затем много лет проработала педагогом:

– В училище я пришла из 2 класса 22 школы. Привела мама, прочитав объявление о наборе детей в студию при оперном театре. Это был первый набор пермских детей. Учились тогда 9 лет, и я, поступив в 1944 году, закончила училище в 1953 г. Требования на приеме были те же, что и сейчас. Первыми моими учителями были педагоги Ленинградского хореографического училища Тамара Петровна Обухова и Елена Ильинична Таубер. Возглавляла нашу студию (а затем и училище) Екатерина Никодимовна Гейденрейх, а директором была Нонна Александровна Багина. Елена Ильинична преподавала нам исторический танец, а Тамара Петровна – классический. Помню, что в классах было холодно, и Тамара Петровна надевала на меня какую-то кофточку. Она вообще относилась ко мне очень заботливо и трогательно.

Последние 4 года я училась у Екатерины Никодимовны и заканчивала училище в ее классе. В моем профессиональном ста-

новлении она сыграла большую, неоценимую роль. С благодарностью и теплотой вспоминаю не только уроки, наставления высококлассного профессионала, но чисто человеческую заботу педагогов. Время ведь было непростое, жилось всем тяжело... Столовая находилась в том же здании училища. В то время была еще карточная система, и мы, учащиеся, получали рабочую карточку, а не детскую.

С первого года существования училища нас стали вывозить на дачу в Верхнюю Курью на все лето. Там снимали несколько частных домов, в которых размещались столовая, медпункт, жилые комнаты для младших и старших детей. В этом лагере отдыхали не только учащиеся училища, но и дети работников филармонии и оперного театра...

День в лагере начинался с линейки. Отдых был хорошо организован: играли на свежем воздухе у Камы, проводили соревнования по волейболу, занимались рукоделием, много гуляли, купались. Раз в неделю устраивали танцы. Приходил педагог музыкального училища, очень хороший музыкант-аккордеонист Владимир Ильич Казаков, и мы танцевали под его аккомпанемент. Кормили нас очень хорошо, было 4-разовое питание, на полдник давали что-нибудь сладкое. Вообще чувствовалась большая забота о нас, о детях, всего коллектива училища.

Ирме Александровне Грачевой, полвека проработавшей учителем литературы в Пермском хореографическом училище, в свое время очень помогло общение с Е.Н. Гейденрейх. Она вспоминает:

– Значит, вы та самая девочка со скрипкой?

Так встретила 23-летнюю Ирму Жихареву знаменитая основательница хореографического училища в Перми Екатерина Гейденрейх.

Ирма Александровна (после замужества – Грачева) хорошо помнит тот день в далеком 1952-м, когда она, после окончания Пермского университета, пришла в училище преподавать литературу. Здание на углу Коммунистической (ныне снова Петропавловской) и Горького она посещала и раньше, когда училась

в музыкальной школе. Помещений в основном корпусе не хватало, и поэтому юные музыканты занимались в хореографическом. Путь в комнату для занятий музыкой пролегал через проходной класс, в котором Екатерина Николаевна Гейденрейх, художественный руководитель училища, вела вечерние уроки. И Ирма частенько останавливалась, засмотревшись на балетные экзерсисы.

– Во многих отношениях Екатерина Николаевна была для меня идеалом. Я бывала у нее дома. Жила она в квартире недалеко от того места, где стояла до войны Воскресенская церковь (меня в ней крестили). Не знаю почему, но Екатерине Николаевне нравилось общаться со мной. Может быть, она при виде меня, «девочки с косой», вспоминала и себя молодую, когда ее так любила рисовать прекрасная художница Зинаида Серебрякова?

Мы говорили с ней о литературе, часто – о Чехове, спорили, например, о его «Чайке». Обсуждали новинки, в том числе публикации журнала «Иностранная литература». Немногие в Перми тогда читали этот журнал. Она и наставляла меня, подсказывала, как себя вести в той или иной ситуации, даже как одеваться и как ходить! Да-да, от нее я узнала, как надо ходить – как будто плести веревочку. Это не походка балетных девочек, у них уже другой стиль, профессиональный.

Великого терпения был человек. В личной жизни не очень счастлива. Замужем была дважды. В войну, когда осталась совсем одна, попала в лагерь. Сидела у нас, на Урале. Вырвавшись на свободу с помощью верных друзей, она стремилась отдавать людям всю свою любовь. Удочерила девочку из детдома. Звали ее Ася Морозова (она стала учиться в нашем хореографическом училище); девочка была непростая, нередко такие коленица выкидывала... Даже из окна квартиры выпрыгивала. Но Екатерина Николаевна все терпела, и уехала в Ленинград вместе со своей воспитанницей.

...Мы встречались с Ирмой Грачевой не раз, беседовали в помещении редакции, в училище и на Егошихинском кладбище, где она ухаживала за могилками не только своих предков, но и

за памятниками умерших коллег и учеников училища. Интервью наше было опубликовано в газете «Пермские новости».

Ирма Александровна признавалась, что беседы с Гейденрейх не раз помогали и помогают ей в жизни. Своим детям и внукам она читала жизненные правила, которые старалась привить своим ученицам Екатерина Николаевна.

Речь идет о «Начальных правилах...» для воспитанников и учеников Императорского С.-Петербургского театрального училища, в котором училась когда-то Е.Н. Гейденрейх. В этом своеобразном кодексе поведения из тринадцати пунктов действительно содержались ценные советы на все случаи жизни.

Ирма Александровна:

– Я нередко напоминаю, читаю детям советы из тех «Правил»:

«Избегай праздности!»,

«Избегай лжи!»,

«Играй, но не заигрывайся, во всем соблюдай меру!». Мне кажется, что это полезно каждому человеку и сегодня.

Это и есть «Правила Гейденрейх».

В 1997 году, в честь 100-летия Е.Н. Гейденрейх в Пермском театре оперы и балета состоялся роскошный концерт с участием выпускниц ПХУ, нынешних звезд мирового балета, а также бывших учениц Екатерины Николаевны, которые сами стали затем педагогами и продолжателями дела, которому она посвятила всю свою жизнь. Тогда же была открыта и мемориальная доска, на которой запечатлен в камне изящный образ балерины в юности.

Пермь с благодарностью помнит о Гейденрейх.

Литература

1. Гладышев В. «Нас можно распознать издалека». – П., 2010.
2. ПермГАСПИ. Ф. 6739. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-8.
3. Стецура Ю. «Жизнь и судьба балерины Екатерины Гейденрейх». – П., 1997.
4. Тургеневские барышни из Пермского хореографического // Пермские новости. 2003. 18 июля.

Воздух свободы

(В 1945 году группа десятиклассников из пермской школы 11 создала антисоветскую организацию)

Зексер
Израиль Абрамович

Без всяких преувеличений, Израиль Абрамович Зексер – культовая фигура в истории Пермского краевого «Мемориала». Его помнят и чтут сотни пострадавших в годы репрессий людей, которым он помог, сумел защитить в суде, вернул честное имя, привлек к активной общественной деятельности.

Он умер летом 2002 года, умер неожиданно, на минуту оторвавшись от дел. Боль от удара, который мы тогда пережили, не прошла до сих пор.

...Мы познакомились летом 1990-го года. Первое, что бросилось в глаза: маленький рост и исходившая от него сила. О таких говорят – твердый орешек. Другим ему быть просто не суждено, не выдержал бы того, что на его долю выпало. Жизненные университеты пришлось проходить сначала в тюрьме, потом в ссылке. В случае с обманчиво маленьким 16-летним Зексером чекисты явно просчитались: им не удалось сломить мальчишку, наоборот, из него вырос человек высочайшего мужества и закалки.

В том же 1990 году Израиля Абрамовича избрали председателем Ассоциации жертв политических репрессий. Вокруг него объединилось сообщество пожилых, многое выстрадавших людей. Он учил их помогать друг другу, общаться, делиться всем, что имеют. Даже завел кассу взаимопомощи. Детально изучил законодательство, посвященное репрессированным, стал в этой

части истинным экспертом, с ним советовались юристы. Вслед за ним набирались знаний координаторы районных филиалов, все вместе они создали полноценную систему юридической консультации для всех нуждающихся.

В деле правовой защиты своих собратьев по судьбе Зекцер не знал компромиссов, он мог из нужного чиновника вытянуть все жилы. Он был максималист. Он знал о жизни репрессированных все, потому что сам прошел весь их тяжкий путь. Он был совершенно бескорыстным. И все, даже его враги, знали, что этот человек в своих словах и поступках руководствуется одним только нравственным законом, законом совести.

Изе Зекцеру было 16 лет, когда прозвучал приговор Особого совещания

«...Я мечтал стать ученым физиком, атоمیциком либо астрономом. Увы, судьба не позволила мне подняться выше прикладной геофизики». С этих строк Израиль Абрамович Зекцер начинает свой рассказ об испытаниях, выпавших на его долю в послевоенные годы. Его воспоминания были опубликованы в первом томе Книги памяти «Годы террора», изданном в 1998 году.

Израиль Зекцер родился в Ровно. В 1939 году после заключения пакта Молотова – Риббентропа и раздела Польши он вместе с семьей оказался на советской территории. После начала войны семью эвакуировали сначала в Киев, а затем в Пермь. К концу войны Зекцер уже был комсомольцем и пионервожатым. Всеобщая победная эйфория укрепила его патриотизм, а вместе с ним и желание сделать советскую жизнь еще лучше.

Все началось осенью 1945 года. Изя учился в десятом классе школы № 11, той самой, которая теперь известна как гимназия им.

С.П. Дягилева. Уже тогда до него дошли слухи о массовых арестах. 16-летний мальчишка все чаще задумывался о том, почему в газетах говорят одно, а делается другое, почему мы так беззастенчиво хвалим себя, а сказать правду боимся. *«Переполненный чувством неудовлетворенной справедливости, – пишет автор воспоминаний, – я и создал «Новую коммунистическую партию справедливости».*

Нелегальная партия признавала программу ВКП(б), но её устав собиралась переработать. Школьники поставили перед собой цели, масштабы и смысл которых вряд ли сами осознавали, – восстановить справедливость, устранить коррупцию, построить «действительно социалистическое» общество. Юные романтики, не имевшие представления с кем и с чем они имеют дело, затеяли опасную игру. Впрочем, зная характер их лидера, могу твердо сказать: он вряд ли бы повернул назад, даже зная, что ему угрожает. Таким он был в юности, таким же остался и в зрелые годы.

Но реальность, реальность сталинской диктатуры не признавала романтику. Более того, боялась её, презирала тех молодых, которые хотели быть святее римского папы. Оказалось, из пяти одноклассников, членов партии, двое были сексотами (секретными сотрудниками КГБ). Им дали просуществовать два месяца. Фиксировали каждое слово, каждый разговор. 6 декабря 1945 года Израиля Зекцера арестовали.

– *Дяденьки, куда вы меня везете?* – кричал мальчишка, пока черный воронок кружил по улицам Перми. Когда машина остановилась у известного всем пермякам здания КГБ на улице 25 Октября, он, наконец, стал понимать, что с ним происходит. Его отвели наверх в кабинет начальника следственного отдела полковника Хецелиуса. Здесь Изя узнал, что он государственный преступник и что следствие будет вести сам полковник.

На допросах Изю не били. Только однажды «гражданин Хецелиус» не выдержал и подскочил к арестованному с кулаками, но сдержался. Упрямый мальчишка всю ответственность за «партию» брал на себя, более того осмеливался отстаивать свои «антисоветские» взгляды, «нагло» утверждал, что он прав. Полковник аккуратно записывал его ответы, вставляя такие слова,

как «злостно», «с целью очернить советскую власть». Изя, однако, внимательно читал каждую страницу протокола и не подписывал её до тех пор, пока эти слова Хецелиус не вычеркивал.

Примерно в конце июня Зекцера вызвали к начальнику тюрьмы. Зачитали приговор ОСО (особого совещания при министре внутренних дел): 3 года исправительно-трудовых лагерей общего режима. Начальник поздравил своего узника с «мягким» решением. И то правда, через много лет Зекцер узнал, что Хецелиус просил для него 5 лет. Вспоминая это время, Израиль Абрамович говорил: спасибо судьбе, что я не угадал к скандальному делу космополитов и врачей-вредителей, а то бы «отмотали» мне на «полную катушку»!

Подошел к концу первый этап его лагерной биографии. В один из июльских дней 1946 года конвоиры построили полсотни заключенных, в том числе 10 малолеток, и вывели за ворота внутренней тюрьмы КГБ. Повели нестройную колонну по улицам Перми до будущего Театра кукол на улице Карла Маркса (ныне ул. Сибирская). Там размещались казармы промколонии, которую в разные времена называли то отдельным лагерным пунктом, то просто «шарашкой». Колония занимала целый квартал между улицами Карла Маркса и Газеты «Звезда» и была разделена на примерно равные жилую и производственную зоны.

Надо было определяться с рабочей профессией. Прямо скажем, вчерашний школьник не обнаружил способностей к физической работе. Пробовали обучить его слесарному делу, потом электриком – не получалось. Наконец, поставили Изю на учет наличия сырья и комплектующих для производства. Так он и «дослужил» до окончания срока заключения.

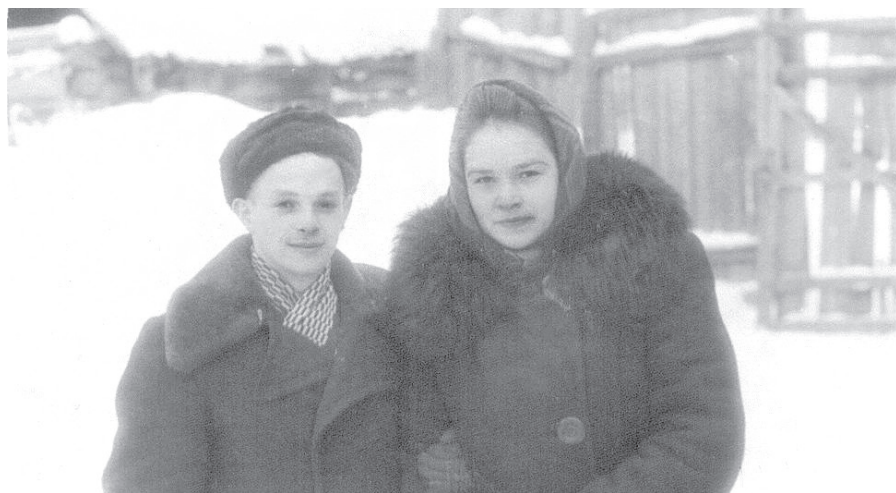
Ему уже исполнилось 19 лет. В 1948 году он с огромным нетерпением ждал свой день освобождения. Но вместо этого пришло указание отправить его в ссылку в Красноярский край. Спас отец, обратился в областную прокуратуру, вымолил освобождение сына, пусть и с запретом на проживание в областных центрах.

Впрочем, на свободе он пробыл недолго: в январе 1949 года снова пришло постановление о направлении в ссылку на спецпоселение в Красноярский край. Власть по-прежнему считала его

опасным инакомыслящим. Изе не дали проститься с родными и друзьями. Впереди был этап до Соликамска, затем столыпинским вагоном до Перми и дальше, дальше...

Два месяца двигался этап. В начале марта Зекцер прибыл, наконец, в поселок Нижне-Ангарск (или Усово – по имени ученого, открывшего здесь залежи железных руд). Теперь уже, чтобы выжить, пришлось всерьез осваивать рабочую профессию. Сначала его направили буровым рабочим в геологоразведочную экспедицию. Жил в большой десятиместной палатке с железной печкой «буржуйкой». Затем его взяли в геофизический отряд, где поручили работу вычислителя.

Так или иначе, но ссылка определила его профессиональный выбор на всю жизнь. Забегая вперед, скажем, что после возвращения домой Израиль Абрамович закончил заочное отделение

Израиль Абрамович Зекцер и его жена Валентина Петровна в ссылке

геологического факультета Пермского университета и стал главным метеорологом геофизического треста.

Впрочем, не только этим отметилась сибирская ссылка в его судьбе. Именно там он нашел свою Валю, Валентину Петровну, жену, друга, помощницу во всех начинаниях.

И вот настал март 1953 года. Умер Сталин! Старшее поколение до сих пор помнит скорбный голос диктора Левитана. А еще Зекцер запомнил траурный митинг в поселке ссыльнопоселенцев. На нем «идейное» меньшинство, в том числе и мужики, ревело, а большинство (ссыльные) хмуро стояли и сдерживали рвавшуюся наружу неизмеримую радость! Прозвучал указ об амнистии, под которую попал и Зекцер. *«Но освободились мы только через год, – вспоминал он, – в течение которого произошло для нас с Валею еще более радостное событие: Валя родила дочь-первенца Любу. А я был официально освобожден со снятием судимости и с правом возврата в Пермь».*

Израиль Абрамович Зекцер

В начале июля 1954 года они распрощались с друзьями по ссылке и погрузились на пароход, следовавший по Ангаре до самой... свободы. Любушке было 4 месяца, Вале – 22 года, Изе – 25 лет. Впереди было рождение второй любимой дочери Верочки. Впереди была целая жизнь.

Профессия – профессор

Кем написан был сценарий?
Что за странный фантазер
Этот равно гениальный и безумный режиссер?
Как свободно он монтирует различные куски
Ликованья и отчаянья, веселья и тоски...

Ю. Левитанский

Кертман
Лев Ефимович

Как в старом кинематографе, том черно-белом кино, о котором пронзительно писал поэт, осенью 1949 г. из московского поезда на железнодорожную станцию г. Молотов вышел молодой мужчина: среднего роста, внимательный взгляд, высокий лоб. Ему было 32 года, а позади – счастливые студенческие годы в Киевском университете, любовь, война, тяжелое ранение, госпиталь, аспирантура в Казани у знаменитого историка Е.В. Тарле, защита в 1942 г. диссертации

двадцатишестилетним вчерашним фронтовиком; возвращение в освобожденный Киев.

Лев Ефимович Кертман начал работать на кафедре новой истории Киевского университета с сентября 1944 г. О, какой это был лектор! – на всю жизнь запомнили бывшие студенты. *«Он не входил в аудиторию – он вбегал в нее, на ходу швырял на кафедру шляпу и бросал на стул макинтош (тогда они были модны). Потом начинал говорить, никуда не заглядывая, безошибочно называя имена и даты...»*. Его лекции *«слушали, затаив дыхание. Слушали не только те, для кого лекции непосредственно предназначались, но и все, кому посчастливилось попасть в аудиторию. Это*

были студенты самых различных факультетов, зачастую негуманитарных. Если не хватало места за партами, садились на пол. И в напряженной тишине Кертман рассказывал о событиях вековой давности так, словно они происходили вчера. Перед нами вставали не выразители тех или иных классовых интересов, а живые люди с их достоинствами и слабостями. Мы узнавали о них то, чего ни в каких учебниках не было. Когда звучал возвещающий об окончании лекции звонок, Кертман исчезал так же стремительно, как и входил, одеваясь на ходу. Но его нередко останавливали бурными аплодисментами, букетами цветов», – вспоминал М. Гилелах.

Лев Ефимович Кертман и
Сарра Яковлевна Фрадкина с дочерью
Линой (конец 1940-х – начало 1950-х)

Другие киевские студенты, В. Шляпентох и М. Лойберг, через десятилетия констатируют: «Неосомненно, Лев Ефимович был одним из самых образованных людей в Киеве. Под стать этому были и его морально-этические качества. Ни тени снобизма. Сознывая, очевидно, свою популярность в Киеве, Лев Ефимович был исключительно доступен и открыт для равной бе-

седы со студентами. Познакомившись постепенно с ним ближе, мы в полной мере ощутили его демократизм, дружелюбие, человеческую отзывчивость...»

Полная интеллектуальных и творческих поисков, любви, надежд и перспектив, киевская жизнь рухнула в одночасье.

1949 год. Кампания по «борьбе с космополитизмом», объединившая антисемитизм и «борьбу с низкопоклонством перед Западом». Риторика обвинений, предъявленных Кертману, была выдержана в заданной стилистике. На университетском собрании актива ему выкрикивали: «Сколько долларов ты получил у банкиров Уолл-стрита?» В газетной статье «Антипатриотиче-

ская деятельность космополита Кертмана» было отчеканено: *«Случайна ли была роль защитника космополитов для Кертмана? Нет, – она не была случайной, потому что Кертман не только идейно сочувствовал этим антипатриотическим выродкам, но и работал заодно с ними... Собрание партийного, комсомольского и профсоюзного актива вскрыло истинное лицо космополита Кертмана и в своем постановлении потребовало прекращения его деятельности в университете».*

Кертман был изгнан из Киевского университета, и перспективы дальнейшей работы для опального историка приближались к нулю. В поисках места преподавателя он написал 60 писем в университеты страны и получил 60 отказов. Только ректор Пермского университета А.И. Букирев, случайная встреча с которым произошла в коридорах министерства, куда Лев Ефимович приехал в поисках ответов на свои запросы, без колебаний сказал, что место у них есть, и пригласил его работать в Пермь.

Вероятно, интеллектуальный и нравственный ландшафт нашего города был бы иным, если бы недоброй тогда для Л.Е. Кертмана волей судьбы он не остался на всю жизнь в Перми. В Пермском университете многим поколениям историков выпала счастливая возможность слушать его блестящие лекции. Сформировалась пермская школа всеобщей истории. Англовед, культуролог, методолог истории и культуры, Лев Ефимович Кертман был таким ученым, профессором, мыслителем, которого не могли ограничить рамки пермской провинции. *«Провинциал столичного масштаба»*, – точно охарактеризовала его М.П. Лаптева.

«Времена не выбирают, в них живут и умирают», – писал Александр Кушнер. И еще: *«Век мой, рок мой на прощанье. Время – это испытанье»*. Времена редко переставали быть подлыми, поэтому испытания не заканчивались. В 1952 г. против талантливого ученого и яркого преподавателя Кертмана, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории, была развернута начавшаяся со статьи в газете, а фактически – публичного доноса, кампания жесточайшей критики со стороны университетских и городских партийных органов: *«читает лекции на низком идейно-теоретическом уровне»*, *«без должного разоблачения враждебной буржуазной идеологии»*, *«за основу не берет высказы-*

Лев Ефимович Кертман и
Сарра Яковлевна Фрадкина с дочерью
Линой (конец 1940-х – начало 1950-х)

вания классиков марксизма-ленинизма», «допускает небрежные и неточные формулировки», «политические ошибки»; под его руководством «кафедра работает неудовлетворительно», «на кафедре всеобщей истории нет критики и самокритики». Этот удар Лев Ефимович брал на себя и держал,

защищал сотрудников кафедры. Отвечая гонителям, включал оружие той самой самокритики: «Я недостаточно контролировал преподавателей. Я указания давал не в категорической форме, а высказывал свое мнение». Обо всем этом, скрупулезно изучив архивные материалы, детально написал О.Л. Лейбович в своей книге «В городе М.», в главе «Увольнение Кертмана».

Кертман Л.Е. был уволен из университета весной 1953 г. после ликвидации кафедры всеобщей истории под надуманным предлогом сокращения количества студентов. Но – изменились времена после марта 1953 г. – в министерстве не посчитали законным это увольнение, и осенью пришла рекомендация восстановить доцента Кертмана в университете.

Немногие люди обладают потребностью и силой достойно жить в обстоятельствах, которые к этому более чем не располагают. Может быть, и об этом его стихотворение, написанное совсем по другому поводу:

*Были вьюги, были беды –
Все осталось позади.
Почему же в День Победы
Как-то холодно в груди?*

*Потому ли, что за кадром
Слышу тут, как слышал там
Старую абракадабру
Правды с ложью пополам?*

Кертмановская планка – это преданность профессии, свойственная старой российской профессуре, поразительная трудоспособность, творческое отношение к любому делу, подлинный гуманизм, живой интерес к людям, необычайная щедрость души и интеллекта, редкий талант собеседника, яркое жизнелюбие. И объединяла все это постоянная, никогда не прекращавшаяся интеллектуальная работа.

В одной из своих статей, полемически названной «Профессор – профессия?», Лев Ефимович утверждал: *«Самый же высокий стимул, который будет действовать всю жизнь и никогда не потускнеет, – чистая жажда знаний, свободная от каких-либо даже самых благородных прагматических мотивов.»*

Честолюбие, если оно не выходит за рамки здравого чувства, может быть удовлетворено, долг оплачен, высокая квалификация приобретена, – и человек может успокоиться, застыть, потому что его стимулы иссякли, а чистая жажда познания бесконечна, как само познание.»

Литература

1. Кертман Л.Е. Профессор – профессия? // Вестник высшей школы. 1986. № 9.
2. Кертман Л.Л. Книга дочери. К 100-летию со дня рождения Л.Е. Кертмана и С.Я. Фрадкиной. – Пермь: ИЦ «Титул». 2017. – 416 с.
3. Лаптева М.П. Лев Кертман: провинциал столичного масштаба // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. – Челябинск: Каменный пояс. 2006. – 496 с.
4. Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. – М.: РОССПЭН. 2008. – 295 с.
5. Оболонкова М. А. Европейский гуманист в Перми // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. Вып. 2 (19).

Право на самоуважение

Ковалев Сергей Адамович

Сергей Адамович Ковалев – признанный авторитет в правозащитном сообществе. И не только благодаря биографии: член Инициативной группы защиты прав че-

ловека в СССР, редактор «Хроники текущих событий», политзаключенный, первый российский Уполномоченный по правам человека*. Отношение к этому человеку, во многом, задается избранной им и последовательно отстаиваемой мировоззренческой позицией.

* Ковалев С.А. родился 2 марта 1930. В 1954 г. окончил биологический факультет МГУ, в 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1964-1969 гг. заведовал отделом межфакультетской лаборатории МГУ. С середины 1960-х гг. включается в правозащитную деятельность. В 1969 г. входит в состав Инициативной группы защиты прав человека в СССР. С 1971 становится одним из ведущих участников правозащитного журнала «Хроника текущих событий». В 1974 г. арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, в 1975 г. приговорен к 7 годам лишения свободы и 3 годам ссылки. В марте 1990 г. избран народным депутатом РСФСР. Далее был членом Верховного Совета РСФСР и депутатом Государственной Думы РФ (до 2003 г.). В 1994-1995 годы – Уполномоченный по правам человека. Был председателем Российского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». Сейчас – председатель Совета Института прав человека.

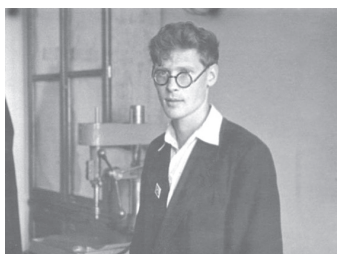
Заклученный Ковалев С.А.

С Пермским краем Сергея Адамовича судьба связала помимо его воли – здесь он отбывал наказание в лагере для политзаключенных, известном как «Пермь-36». После создания в 1995 году Мемориального комплекса истории политических репрессий на базе ликвидированного лагеря Ковалев неоднократно приезжал сюда, чтобы помочь исторической реконструкции.

Интерпретировать чужие поступки – неблагоприятное занятие. Наверное, лучше всего попытаться разобраться в том, что подтолкнуло перспективного ученого, кандидата биологических наук, заведующего отделом лаборатории МГУ, заняться деятельностью для большей части общества непонятной и официально запрещенной, опираясь на слова самого С.А. Ковалева.

Судя по мемуарам С.А. Ковалева, его отношение к правам человека, как к гарантиям государства, не допускающим государственного произвола, готовность отстаивать такое понимание сложились довольно рано:

«...Это было в седьмом классе, и предмет, который нам начали преподавать, назывался «Конституция СССР». Та самая сталинская Конституция, которую, кстати сказать, я считал

Ковалев С.А. Аспирантура,
кафедра биофизики МГУ,
1955 год

и считаю не самым плохим из документов этого рода.

Другой вопрос, что к советской системе права и, уж подавно, к советской действительности этот документ не имел решительно никакого отношения. Но тогда, пожалуй, я еще об этом не задумывался. Предмет и предмет, мне он скорее нравился – интересно было разбираться в отточенных формулировках статей, в чеканной, как мне казалось, логике юридических утверждений, складывавшихся в систему правовых отношений... Этот интерес был столь же абстрактным, как, например, удовольствие от математических теорем. Уже после всего, что случилось, я стал догадываться, что проблемы права имеют прямое отношение к реальной жизни.

Дело было так: меня вызвали к доске и велели отвечать по теме «Права и свободы граждан СССР». Я довольно аккуратно пересказал статью 125 Конституции... А потом черт дернул учительницу спросить меня, как я эту статью понимаю. Ну я и объяснил: мол, законодатель считает, что наличие этих самых свобод соответствует интересам трудящихся и способствует укреплению строя. Вот статья 125 их и гарантирует. Все, думаю, пятерка... И вдруг Елена Васильевна говорит: «Неправильно ты, Ковалев, трактуешь статью». И объяснила: свободы, значит, гарантируются законом, но лишь постольку, поскольку они соответствуют интересам трудящихся и способствуют укреплению строя. А если они этим интересам противоречат, то, стало быть, Конституция и закон их не гарантируют и не защищают.

Мне бы, дураку, не вступать в спор с учительницей и спокойно вернуться на место со своей тройкой или четверкой. Но трактовка Елены Васильевны показалась мне совершенно дикой и не вяжущейся со здравым смыслом. И я пустился защищать свою точку зрения. Между прочим, исчерпав все иные аргумен-

ты, я сказал: «А кто будет определять, например, в случае свободы слова, какая точка зрения – в интересах трудящихся, а какая – нет? Если это поручить органам государственной власти, то есть заинтересованной стороне, то может получиться произвол – а тогда о какой свободе речь? А если отдать решение самим трудящимся, то как же они поймут, что в их интересах, а что – нет, если не услышат спорной точки зрения?» И остался собой очень доволен – учительницу в споре победил. Разумеется, я получил двойку, но это меня не очень огорчило. Да и класс, хотя следил за дискуссией без особого интереса, мне явно сочувствовал (а может, просто радовался, что дело идет к звонку с урока).

На следующем уроке учительница опять задала мне тот же вопрос – и, естественно, получила тот же ответ; ведь я же прав, меня же никто не опроверг. И, естественно, опять получил двойку. И так повелось: на каждом уроке Конституции – тот же вопрос, тот же ответ, тот же результат. Я никак не мог сообразить, что веду себя бестактно по отношению к Елене Васильевне; да и вошел в азарт противостояния. А она, как я теперь хорошо понимаю, и не могла публично со мной согласиться по существу. Я весьма смутно догадывался о том, что наш теоретический спор может иметь вполне определенную, социально и политически опасную подоплеку...

К счастью, это понял наш директор, очень неглупый и неплохой мужик, Сергей Сергеевич Смирнов (полный тезка известного потом писателя). Он вызвал меня к себе, и я битый час с жаром доказывал ему, почему прав я, а не Елена Васильевна. Директор выслушал меня очень внимательно и сказал: «Вот что учти: у взрослых бывают свои трудности. Когда ты подрастешь, ты и сам это поймешь. Не будь таким строгим к Елене Васильевне. В конце концов, ты учишься в седьмом классе, и твое дело – не трактовать Конституцию, а знать ее. Давай договоримся так: я попрошу учительницу, чтобы она погоняла тебя по всему материалу и не спрашивала, как ты понимаешь ту или другую статью, а спрашивала бы только, как ты ее знаешь. И если ты будешь хорошо отвечать, то исправишь свои двойки».

Так и получилось. Материал как таковой я знал превосходно, получил ряд пятерок за пересказ и избежал двойки за полугодие. Чего я на самом деле благодаря директору, возможно, избежал, я понял только много позже...

Что же касается статьи 125 Конституции, то в конце 1960-х – начале 1970-х гг. моя школьная дискуссия с Еленой Васильевной обрела новую жизнь. Удивительным образом этот же спор неоднократно и дословно повторялся в ходе судебных процессов, где судили моих товарищей-диссидентов (а в 1975 г. – и на моем собственном суде). Только нашими оппонентами были уже не школьные учителя, а прокуроры; приговор выносил не мудрый и терпимый Сергей Сергеевич, а председатель суда; и отметки наши варьировали не от двойки до пятерки, а, к сожалению, от полугода до семи лет».

Впоследствии, когда Ковалев уже стал правозащитником, он бескомпромиссно отстаивал принципы правового государства и отвергал любое извращенное отношение к праву, не считаясь с тем, что это может усугубить наказание:

«...Это была нравственная несовместимость с советским варварством, пропитанным злобой и враньем. Попытаюсь основать это обвинение на краткой характеристике нашей судебной системы. Примеры из собственного дела.

Моя позиция, заявленная на первом же допросе за несколько дней до ареста, – я не участвую в следствии. Причина – я подробно знаю многие судебные дела этого рода. В каждом из них приговор грубо фальсифицирован. Гарантированная Конституцией свобода слова и убеждений представлена как преступное посягательство на законную власть. Процесс не имеет ничего общего с состязательным судом, право на защиту и равенство сторон – жалкая имитация. Суд всецело подчинен политической власти. Я не желаю участвовать в издевательствах над Правом».

В исторических исследованиях и, тем более в публицистике, существует довольно много объяснений диссидентской активности. Кто-то связывает ее со стремлением свергнуть советскую власть, кто-то – с желанием дать народу свободу, кто-то – с врожденным чувством справедливости, кто-то – с болезненным

самоутверждением. Очевидно, мотивация разных людей была разная. Относительно своего случая Ковалев объяснял так:

«Я уже говорил, что мое участие в правозащитной деятельности было связано с отчетливым стремлением приобрести право на самоуважение – вот и все. Ни о каком благе народа я тогда и не задумывался. То есть думал, конечно, но отлично понимал, что никакого блага народа я не строю. Это – пустые мечтания, это – попытка с негодными средствами».

При этом Сергей Адамович подчеркивает, что отказ от науки в пользу рискованной правозащитной деятельности был осмысленным результатом нравственного выбора:

«Я вовсе не хотел расставаться с наукой. Хотел совмещать, пока позволят. Думаю, моя самооценка была верной. Я не считал себя ни огромным талантом, ни поденичком. Я не занимал чужого места в науке, но и не был незаменим.

Тут важна жесткая оценка обстоятельств. Для закрепившегося в списке антисоветчиков выбор невелик. Или ты пойдешь в грязь, спасая свою свободу и научную работу лживым покаянием, или ты пойдешь в тюрьму. По-моему, достойное решение одно – я ведь искал права на самоуважение? Но это я уже говорил.

Ситуация вполне определилась еще за некоторое время до того, как я стал редактором «Хроники текущих событий». Незадолго.

Я не торопил события. Я просто знал, что будет, и знал, что момент выбираю не я. Ну, если уж ты хорошо знаешь, что посадят, и продолжаешь то, за что посадят, то ясно – ты выбрал, наука уже не на первом месте. Увы, не только наука. А семья, дети? Я успокаивал себя тем, что, когда выйду из тюрьмы, мне не стыдно будет смотреть им в глаза».

«Самоуважение требует не отказа от науки, а готовности есть».

...приятно чувствовать себя честным человеком. Стало важно, что есть достойная позиция, состоящая не в том, чтобы преследовать какой-то результат. Борьба за результат часто вовсе не достойна. Желание же остаться самим собой и

не скрывать этого – вот внутренняя свобода. Что бы ни было вокруг, ты свободен, пока говоришь прямо то, что считаешь нужным. Другой свободы не бывает.

Вопрос о том, что за эту свободу придется дорого платить, возник передо мною где-то в середине 69-го. Ответ печальный, но единственный. Ты же знал, что делаешь, и считал нужным делать? Ну так убедись, что ты мужик!

Мой скепсис относительно результата всегда помогал мне. Многих – я имею в виду не близких моих друзей, а других очень хороших людей, прекрасных ученых – неудача протестов и заступничества приводила к надлому. Дескать, я писал-писал, а теперь меня таскают всюду. И я вынужден говорить, что не отказываюсь от своей точки зрения, но не ожидал, что она будет использована антисоветской западной пропагандой. Это были умные люди, эти слова они еле выдавливали из себя. И это, конечно, надлом».

Помимо интеллектуального осмысления и нравственных ориентиров свою роль также сыграли круг знакомых и вовлеченность в практическую деятельность. Вот как об этом вспоминает сам С.А. Ковалев:

«Очень важное для моей судьбы событие – Чехословакия и суд над демонстрантами на Красной площади. Я попал бы в число демонстрантов, если бы заранее знал. А я не знал.

Прямо с суда, то есть с октября 1968 года, у меня возникло много новых связей, новых знакомых, вскоре ставших друзьями...

Самым главным делом своей жизни того периода – а может быть, и жизни вообще – я считаю свое участие в "Хронике текущих событий", машинописном информационном бюллетене правозащитников.

...в конце весны [1971 г.], Таня Великанова сказала мне: "Сергея, "Хронику" некому делать. Тошке [Якобсону] дышат в затылок, и ему необходимо на некоторое время отойти от дел. Не хотел ли бы ты включиться в работу?" Я согласился, пожалуй что с радостью».

Выбор был сделан. Последствия были предсказуемыми: арест, суд, лагерь. «В лагере я был уже среди своих. У нас же уголовников не сидело. За редчайшим исключением, – вспоминал

Ковалев. – В последний год меня перевели в тюрьму, на самый «высокий» режим».

В 1990-е годы С.А. Ковалев активно включился в политическую деятельность, которая получила противоречивые оценки. Однако и в ней, как мне кажется, он во многом руководствовался давно избранным ориентиром, который он назвал правом на самоуважение.

Литература

1. Ковалев С. Воспоминания // <http://index.org.ru/memoirs/kovalev.html>
2. Ковалев С. Полет белой вороны // Свобода. Равенство. Права человека. – М., 1997. – С. 196-198.
3. Морев Г. Сергей Ковалев: «Это была нравственная несовместимость с советским варварством» // <https://www.colta.ru/articles/dissidents/8700>
4. Хроника диссидентской жизни. Беседа с Сергеем Адамовичем Ковалевым // <http://www.polit.ru/article/2010/04/14/kovalev/>

**«Когда я пишу стихи, никто ни в чем мне
не отказывает»**

Сидят на дачах старенькие ВОХРы
И щурятся на солнце сквозь очки.
Послушаешь про них – так прямо волки,
А поглядишь – так ангелы почти.

Да, был грешок... Такое было время...
И Сталин виноват, чего уж там!..
Да, многих жаль... И жаль того еврея,
Который оказался Мандельштам...

Л. Филатов, «Пенсионеры»

Что там, Осип Эмильич, дыхание всех Иппокрен?
Вам казенной дорогой отписана стылая Чердынь.

Н. Болтянская

Мандельштам
Осип Эмильевич

Во времена студенчества мой преподаватель по фольклору Константин Шумов с невероятной грустью рассказывал об утрате пленки с рассказом очевидцев о том, как в Чердыни выбросился из окна поэт Осип Мандельштам. Юность легкомысленна. Любя стихи, наслаждаясь и радуясь образам, я ещё не понимала всей важности, значимости, глубокой обреченности и трагизма данного события. *«Поэты – люди импульсивные. Подумаешь, из окна выпрыгнул человек, вссылкуприбывший»*, –

подумает обыватель, не задаваясь вопросом о причинно-следственных связях, мотивах, особенностях жизни Осипа

Мандельштама. Попробуем разобраться, что же толкает творческого человека на решительные действия, которыми несмотря на интеллигентность, образованность и жесткость эпохи изобилуют последние годы жизни поэта.

Осип Мандельштам – великий русский поэт, переводчик, один из основоположников литературного течения акмеизм. Его не увлекала политическая борьба, события в стране, люди и идеи, власть и влияния на умы масс. Мандельштама интересовали стихи и поэзия, поэты и творчество, художественные способы отображения жизни. «Когда я пишу стихи, никто ни в чём мне не отказывает», – своеобразная визитка поэта, предъявленная в начале знакомства его будущей жене и соратнице Надежде Хазиной.

Тем удивительнее, что в ноябре 1933 года Осип Мандельштам пишет стихотворение, ставшее памятником бесстрашию и определившее судьбу поэта, изобразившего в весьма неприглядном облике отца народов («Мы живем, под собою не чуя страны»).

*Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.*

Поэт не просто создаёт весьма неприглядный, карикатурный («пальцы как черви», «слова как гири», «тараканьи смеются усища») портрет первого лица страны. Хотя вряд ли кто из современников смог бы столь открыто «дразнить» Сталина. Мандельштам даёт оценку его действиям. Гражданский подвиг именно в этих строчках.

*Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.
(«Мы живем под, собою не чуя страны»)*

Этому предшествовало еще несколько стихотворений, в те же 30-е гг. Резких, хлестких, невероятно отважных, исполненных мужества и гражданского чувства.

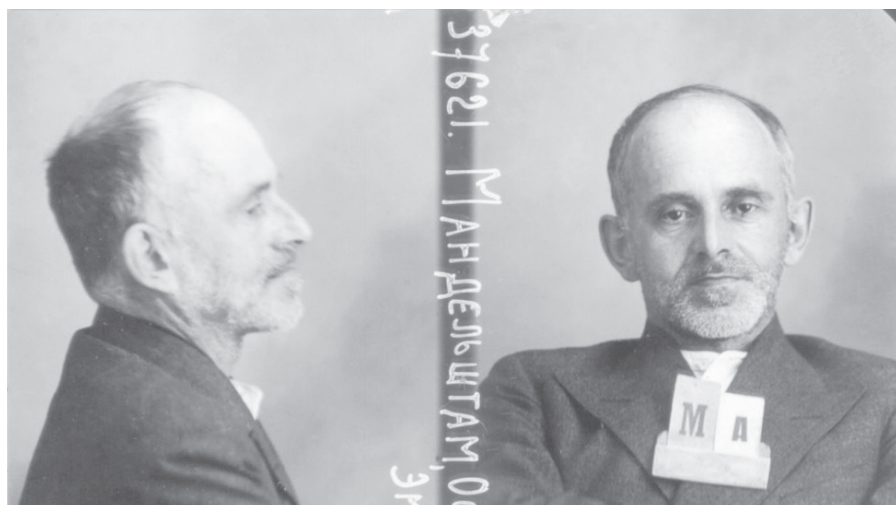
*Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.
(«За гремучую доблесть грядущих веков...»)*

Люди искусства, которым Осип Эмильевич читал текст, были испуганы и обескуражены. Комментируя эти строки, современник поэта Михаил Зенкевич делится своими эмоциями: *«Осип, чего ты просишь? Чтобы тебя сослали, что ли? Как же можно такое писать?!»* В ответ Мандельштам хохотал.

Понимал ли он риски? Разумеется, понимал. Почему не сжег, не уничтожил такие тексты, а читал и делился? Ответ на этот вопрос лежит в области личных ценностей поэта: не мог он иначе. Стихи для него были важнее всего на свете, даже здоровья, безопасности и жизни. А с другой стороны – не мог он иначе. Чувства, мысли, эмоции, сублимировались в тексты, скрывать которые было ниже человеческого достоинства великого русского поэта. К тому времени Осип Мандельштам отлично знал себе цену. Он жил на гонорары от публикации стихов и переводов. Необходимость работать появилась в конце 20-х годов, когда заболела супруга, и деньги были жизненно нужны. До этого поэт жил стихами и на доходы от стихов. У него были слава и общественное признание.

Был ли в стихах Осипа Эмильевича гражданский вызов людям и времени? Безусловно, был. Всей мощью таланта, всей силой интеллекта и обаяния «напрашивался» поэт на «красивую» смерть, яркую точку в биографии. Век не даровал красивой смерти поэту Осипу Мандельштаму. Он (век, воспетый в образе зверя) медленно пил его силы и талант, а потом стер в лагерную пыль, оставив без могилы, сделав одним из многих, уничтоженных колесом репрессий. Не предполагал поэт столь долгой игры с кремлевским горцем, создавшим систему истребления человеческого в людях. Но и не сдался людям и обстоятельствам.

Удивительным впечатлением для Осипа Мандельштама стал Урал. В конце мая 1934 года, после ареста и пятнадцати дней пребывания на Лубянке, Мандельштам с женой отправляются

Мандельштам О.Э.

на высылку в Чердынь. Сопровождают их три охранника спецконвоя ОГПУ. Едут долго, через Свердловск, где отмечаются в местной комендатуре. После тюрьмы у Осипа Эмильевича реактивный психоз: он всё время ждет смерти, перестает писать стихи (по сути, лишаясь основного смысла жизни, которым жил и спасался от всех бед) и каждый день, каждую минуту ждет, что вот-вот его расстреляют официально или просто убьют в дороге – одним словом, уничтожат, обязательно уничтожат. Не верилось поэту, что пометка *«изолировать, но сохранить»* не простая игра слов, а отсрочка главной расплаты за стихи. Душевный недуг, полученный в тюрьме, обостряется в дороге. Но поэт не теряет присущего ему чувства юмора. 1 июня в Свердловске (едут они не через Пермь) Мандельштам пишет трагикомическую басню:

*Один портной
С хорошей головой
Приговорен был к высшей мере.
И что ж? – портновской следуя манере,
С себя он мерку снял –
И до сих пор живой.*

Урал в целом и Чердынь в частности стали важными вехами в жизни и творчестве поэта. Попадают супруги туда в июне 1934 года. Многократно описанный исследователями прыжок из окна госпиталя, где их разместили, совершенный поэтом в первую же ночь, стал вехой пробуждения. Разные исследователи цитируют: «...прыжок – и я в уме». Очнулся. Пришел в себя. Обрел волю к жизни. И жизнь изменилась вновь.

Довольно скоро они покинут Чердынь. Вопреки рекомендациям других ссыльных, Надежда Мандельштам будет слать телеграммы во все инстанции, друзьям и знакомым. Им позволят выбрать Воронеж. В Москву они возвращаются в основном по воде. Пять дней в дороге. Но это уже более осознанный путь, напоминающий путешествие. По мнению биографов поэта, именно Кама возвращает Мандельштаму вкус к жизни, а в дальнейшем Урал «вернётся» к поэту (1935-1937 гг.) одним из важнейших мотивов стихов.

*Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.*

*В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.*

*Упиралась вода в сто четыре весла -
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.*

*Так я плыл по реке - с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.*

*А со мною жена пять ночей не спала,
Пять ночей не спала - трех конвойных везла.*

Апрель, 1935 г.

Потом ещё будет попытка спасти свою жизнь сталинской одой. На наш взгляд, образ этой попытки наиболее точно отражен в песне Нателлы Болтынской «Просвящение Осипу Ман-

дельштаму». Противоречивая эпоха, порой подминающая даже инстинкты, всегда вводит человека в противоречия, когда

*И на сердце лежит "...под собою не чужа страны..."
А в тетрадке листы – исковерканы сталинской одой.*

Михаил Гаспаров, однако, стремясь к объективности, отмечает, что «Мандельштам, пишущий гражданские стихи с готовностью по совести стать рядовым на призыв и учет советской страны, – это образ, который плохо укладывается в сложившийся миф о Мандельштаме – борце против Сталина и его режима. Миф этот складен и ярок, но он слишком упрощает действительность. Мандельштам написал в 1933 г. эпиграмму против Сталина, за которую в конце концов и погиб. И Мандельштам написал в 1937 г. оду в честь Сталина, которая его не спасла. Историк должен объяснить, как эти два произведения, два образа мыслей совмещались или сменяли друг друга в сознании Мандельштама. А для мифа достаточно объявить, что одно из этих настроений было «настоящим», а другое «ненастоящим», и им можно пренебречь. И, конечно, для современного человека не может быть сомнений, что «настоящим» должен быть Мандельштам эпитафии, а не оды».

Мандельштам О.Э

Думается, что даже сегодня нам трудно понять, каких сил стоило людям сохранить человеческое достоинство в те далекие 1930-е годы. Как трудно не сломаться, не опуститься, не «выключить» мозг и продолжать верить в добро, красоту, милосердие. Предвидя подобные «трудности» потомков, Надежда Мандельштам писала в своем дневнике: «Если мои записки сохранятся, люди, читая их, могут подумать, что их писал больной человек, ипохондрик... Они ведь забудут всё и не будут верить ни одному свидетельскому показанию. Сколько людей за

рубежом до сих пор не верят нам. А ведь они – современники: нас разделяет только пространство, но не время. Еще недавно я прочла чье-то разумное рассуждение: «Говорят, что там боялись все. Не может быть, чтобы все боялись: одни боялись, другие нет»... Разумно и логично, но наша жизнь была далеко не так логична».

Гражданское мужество Осипа Мандельштама проявлялось не только в стихах, но и в персональном выборе – отказе от идеи самоубийства. Из окна он прыгал больным, в стадии обострения душевного недуга, определенного диагнозом реактивный психоз. А в целом принимал свою судьбу, споря с супругой: *«Откуда ты знаешь, что будет потом... Жизнь – это дар, от которого никто не смеет отказываться»,* или отшучивался *«Покончить с собой? Невозможно! Что скажет Авербах? Ведь это был бы положительный литературный факт!»*

Мы не возьмемся разбирать мотивы создания «сталинской оды», попыток «осоветиться» и явления разнообразных образов из советской реальности в стихах. Наверно, точнее всех описывает происходящее с ними Надежда Мандельштам: *«В безумии О. М. понимал, что его ждет, но, выздоровев, потерял чувство реальности и поверил в собственную безопасность. В той жизни, которую мы прожили, люди со здоровой психикой невольно закрывали глаза на действительность, чтобы не принять ее за бред. Закрывать глаза трудно, это требует больших усилий. Не видеть, что происходит вокруг тебя, отнюдь не простой пассивный акт. Советские люди достигли высокой степени психической слепоты, и это разлагающе действовало на всю их душевную структуру».*

*...Но не хочу уснуть, как рыба,
В глубоком обмороке вод,
И дорог мне свободный выбор
Моих страданий и забот.*

Характеризуя стихи так называемого «волчьего цикла», С. Бавин говорит, что они поражают *«сочетанием какой-то обреченности и, одновременно, ожесточенным чувством свобо-*

ды, – свободы сказать то, что стало ясно поэту: слово должно стать делом, поэзия должна стать поступком». «Поэзию уважают только у нас – за неё убивают», – сказал как-то жене Осип Мандельштам.

Поэт умер в пересыльном лагере «Вторая речка», в пригороде Владивостока. Похоронен в братской могиле. Нам же, потомкам, остался опыт, стихи и образ мысли свободного человека, *«потому что не волк я по крови своей, и меня только равный убьет».*

Литература

1. Бравин С., Семибратова И. Судьбы поэтов серебряного века. – М., 1993.
2. Гаспаров М.Л. Осип Мандельштам. Гражданская лирика 1937 г. // Чтения по истории и теории культуры. Вып. 17. – М., 1996.
3. Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. – М., 2002.
4. Осип Мандельштам и его время. – М., 1995.
5. Осип Мандельштам и Урал. – М., 2009.

Филантроп

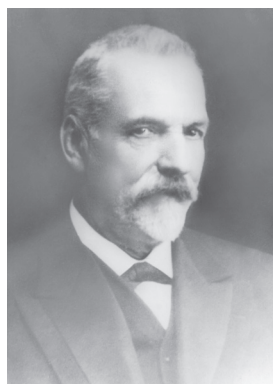

Мешков
Николай Васильевич

1918 год, наверное, стал самым тяжелым в жизни Николая Васильевича Мешкова. Попасть в Бутырскую тюрьму в столь смутное время – такое врагу не пожелаешь. Расстреливали даже за непролетарский внешний вид. А он для дорвавшихся до власти строителей нового мира выглядел как явная «контра»: домами владел, заводами, пароходами, миллионами ворочал! Станным казалось бутырскому начальству вмешательство влиятельных людей: Кржижановский – председатель одного из комите-

тов ВСНХ, Красин – нарком путей сообщений, Фотиева – секретарь Ленина!

Начальники карательных органов среднего ранга не знали, что видные большевики добивались освобождения гражданина Мешкова вовсе не из гуманистических соображений, от которых они были далеки. Для них это было, скорее, спасением своего союзника, которого можно в дальнейшем использовать, и, отчасти, благодарностью. Н.В. Мешков не раз выручал революционеров в тяжелые для них времена. Он постоянно оказывал им финансовую помощь, в том числе много раз вносил залог за арестованных. *«Сколько людей вызволили его деньги из тюрьм!»* – восклицала Л.А. Фотиева. Кроме того, Мешков не раз предоставлял свой дом для нелегальных собраний социалистов-революционеров и социал-демократов и даже укрывал у себя преследуемых. Поэтому и сам оказался «под колпаком» у царской «охранки». Его подозревали в содействии государственным преступникам, неоднократно арестовывали и ставили под гласный надзор полиции. Сам Мешков, конечно, не был рево-

Мешков Н.В.

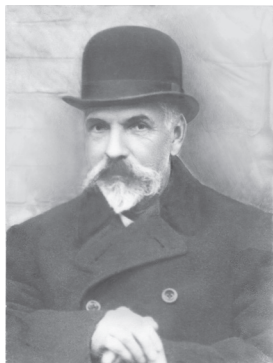
люционером. Взгляды его были, скорее, либеральными. Но революционерам он сочувствовал и по-человечески и потому, что видел в них активных борцов с ненавистным ему самодержавием, ограничивавшим возможности развития предпринимательства и попирающим демократические свободы.

Не задумывались борцы за народное дело, взявшие на вооружение методы красного террора, о реальной помощи этому самому народу, оказанной такими «буржуями», как Мешков. В 1891 году

еще малоизвестный и еще не сколотивший больших капиталов Н.В. Мешков фактически спас Пермскую губернию от голода. Сильная засуха поразила тогда многие районы страны, в том числе часть Пермской губернии. Пермское земство поручило Николаю Васильевичу закупить и доставить в пострадавшие от неурожая уезды более 400 тыс. пудов семенного зерна, доверив под честное слово почти 1,5 млн. рублей. Председатель губернской земской управы В.В. Ковалевский так оценил действия энергичного предпринимателя: *«Если губернскому земству удалось выполнить с успехом эту операцию, то исключительно благодаря Н.В. Мешкову. В деле покупки хлеба г. Мешков не преследовал коммерческих целей, действовал не как коммерсант, а исключительно преследовал цель – своими знаниями и опытом помочь земству в тяжелую для него годину. Весь доставленный г. Мешковым хлеб оказался при всех испытаниях прекрасного качества»*. Особо заметим, что комиссионных за труды Мешков не взял.

Капиталист Мешков платил своим рабочим достойную зарплату, намного больше, чем другие предприниматели. Он платил рабочим, даже когда они бастовали. Об этом имеется целый ряд свидетельств. В частности, Л.А. Фотиева писала, что во время забастовки почтовых служащих в Перми 1905 г. Мешков сказал председателю забастовочного комитета: *«Бастуйте, сколько вам надо. Я буду платить вам ваше жалованье»*. В донесении Пермского уездного ис-

правника о забастовке на Мотовилихинском заводе в июле 1905 г. сообщается, что в среде рабочих распространены слухи, что Мешков дал на забастовку 5 000 рублей. Давал ли Мешков эти деньги, исследователи так и не установили, но само по себе хождение таких слухов хорошо передает симпатии рабочих к предпринимателю.

Мешков Н.В.

Мешков Н.В. постоянно жертвовал средства на нужды народного образования, содействовал развитию просвещения, открытию общедоступных библиотек, выделял стипендии для обучения в вузах. Появление в Перми в 1916 году классического университета стало возможным во многом благодаря стараниям Н.В. Мешкова. Он не только предоставил для университета свои здания и дал деньги, но и лично встречался с высокопоставленными чиновниками и военными, убеждая их предпринять действия, способствующие появлению уни-

верситета, первого на Урале, 14-го во всей России. Дошел даже до министра народного просвещения графа П.Н. Игнатъева и главнокомандующего российскими войсками великого князя Николая Николаевича – дяди Николая II, благосклонность которых, в конечном счете, позволила разрешить ряд тупиковых проблем (освобождение временно переданных военным зданий, выделение железнодорожных составов и т.д.).

После Октябрьского переворота у Мешкова была возможность эмигрировать. Его жена умоляла уехать. Но он решил остаться и разделить судьбу России. В итоге, остались оба.

Национализация предприятий и конфискация капиталов вряд ли обрадовала Мешкова, но хорошо с ним знакомому А.А. Фотиеву сказал только: *«Что конфисковали – правильно, но почему без описи?»* При этом поразительно отношение рабочих к Мешкову, совершенно не похожее на отношение к классовому врагу. В январе 1918 г. 1 чрезвычайный съезд представителей рабочих и служащих «Товарищества Ф. и Г. бр. Каменские и Н. Мешков», рассматривая вопрос о национализации флота, большинством голосов приняли

решение избрать Н.В. Мешкова комиссаром пароходства. Мешков поблагодарил съезд за доверие и сказал: *«Это первый случай, когда служащие избирают предпринимателя своим комиссаром... если только в Петрограде допустят, чтобы меня утвердили»*. Как и предполагал Николай Васильевич, его не утвердили.

Потом последовал арест и три тяжелых месяца в Бутырской тюрьме, которые серьезно подорвали здоровье уже весьма пожилого человека. Тяжелая и продолжительная болезнь все же отступила. Вскоре после выздоровления Мешкова пригласил к себе нарком Л.Б. Красин и предложил стать консультантом Народного комиссариата путей сообщения. По словам Р.И. Рабиновича, написавшего биографию Мешкова в 1990 году, *«Это предложение глубоко взволновало Мешкова. Тюрьма тюрьмой, но его не забыли! Ему доверяют! Он, конечно же, принял предложение. С гордостью впоследствии показывал Мешков своим друзьям первое удостоверение, полученное им в НКПС 4 марта 1920 года»*.

Оставил службу в НКПС Николай Васильевич только в марте 1931 года, когда ему было уже 80 лет, получил персональную пенсию.

В 1933 году после тяжелой болезни Н.В. Мешков скончался.

И в наши дни радуется взгляд пермяков и гостей города дом Мешкова. По-прежнему служат Пермскому университету переданные Мешковым здания. Но важнее, чтобы сохранялась память о Николае Васильевиче Мешкове, для которого филантропия и забота об общественном благе были естественными составляющими жизни.

Литература

1. Аленчикова Н.Д. Пермский гражданин Н.В. Мешков. – Пермь, 2016.
2. Рабинович Р.И. Опальный миллионер. – Пермь, 1990.
3. Третьякова Е. Николай Мешков: человек, создавший университет // Комсомольская правда - <https://www.perm.kp.ru/daily/26561/3578550/>

Улица, построенная Тольцинером

Тольцинер
Филипп Максимович

По-настоящему я открыл для себя Тольцинера в соликамской командировке. По журналистским делам оказался в Боровске, пригороде Соликамска, и... обнаружил там совсем немецкую улочку, с аккуратными каменными домами типа современных коттеджей. Эту улицу Фрунзе туристы чаще называют теперь улицей Филиппа Тольцинера (1906-1996), потому что застроена она домами по проектам этого замечательно архитектора. И надо знать, что дома возводились, в основном, для лагерного начальства, а

сам зодчий десять лет отсидел в Усольяге...

С той поры я искал людей, которые знали что-то об этом немецке, человеке, участвовавшем вместе с зодчим Ханнесом Майером – тем самым, который планировал и проектировал для Перми «соцгородки», в проектировании Дворца советов, и много чего они еще напроектировали и построили для наших городов и колхозов.

Романтики-идеалисты.

Из пермских знакомых ближе всего знал Филиппа Максимовича его коллега-реставратор Григорий Давидович Канторович. Судьба Тольцинера – это был его «конек», наследие его он изучал, писал о нем... да мало что успел. После преждевременной кончины Канторовича его семья передала мне папку с материалами, чертежами, рисунками и четыре аудиокассеты, на которых записаны беседы двух этих увлеченных архитекторов-реставраторов.

Записи – как настоящий звуковой роман. Рассказ Филиппа Максимовича о причудливой своей судьбе, начиная с детства, об учебе, о соликамской старине, которую он полюбил и спасал весь свой уральский период жизни.

К расшифровке аудиозаписей я приступил с благоговейным чувством огромной благодарности к Григорию Давидовичу, ведь какое важное, полезнейшее дело он сотворил. И не только эти записи. В 1994 г. благодаря активному посредничеству Г.Д. Канторовича Пермский областной краеведческий музей приобрел часть личного архива архитектора Филиппа Тольцинера. Нужно сказать, что на архив претендовали и Москва, и немцы, но Пермь он не обидел!

Улица Фрунзе в Боровске – улица памяти Тольцинера

Поразительный факт: для немецкой стороны пыталась заполучить бесценный архив его дочь, которая каким-то чудом нашлась в Германии, после стольких лет вынужденной разлуки. И все же Тольцинер не сдался, проявив свой железный характер.

...Выходец из семьи мюнхенского мастера по плетению мебели, Тольцинер окончил высшую школу строительства и художественного конструирования Баухауз названную современниками «детисцем Веймарской республики». Как вспоминал он впоследствии, большинство его сокурсников «пережили Первую мировую войну, от восторженных приветствий до Ноябрьской революции... были свидетелями образования Баварской советской республики и ее подавления, а также первой волны национал-социализма».

И потому лозунги «Служить народу!», «Удовлетворять народные потребности, а не роскошь!», «Все, что мы делаем, должно быть высококачественно и недорого!», предложенные возглавлявшим школу швейцарским архитектором Ханнесом (Гансом) Майером, близким по взглядам к компартии, были восприняты восторженно и как руководство к действию.

И потому лозунги «Служить народу!», «Удовлетворять народные потребности, а не роскошь!», «Все, что мы делаем, должно быть высококачественно и недорого!», предложенные возглавлявшим школу швейцарским архитектором Ханнесом (Гансом) Майером, близким по взглядам к компартии, были восприняты восторженно и как руководство к действию.

Рост коммунистических настроений среди студентов Баухауза, проявившихся, в частности, в изучении марксистской литературы, подтолкнули Тольцинера к проектированию домов для детей и взрослых, объединенных названием «Жилье при социализме». Он примкнул к тем, кто хотел стать «активным участником создания новой современной архитектуры».

Однако трудности, вызванные усилением экономического кризиса в Германии на рубеже 1920-1930-х гг., а также сложившаяся в стране политическая ситуация привели Майера и его учеников, как известно, к пониманию того, что в рамках капиталистической системы их устремления окажутся бессмысленны, и потому они «предоставили себя в распоряжение Советского Союза для социалистического строительства».

В феврале 1931 г. в составе бригады «Рот фронт», возглавляемой Майером, Филипп Тольцинер прибыл в СССР и с энтузиазмом занялся самыми разнообразными архитектурными проектами. А семь лет спустя выпускник строительного отделения знаменитого на весь цивилизованный мир Баухауза был арестован как «немецкий шпион», осужден на 10 лет по статье «Контрреволюционная деятельность» и отправлен в УсольЛАГ.

Бригада «Рот фронт» из бывшего института Баухауз на демонстрации 1 мая 1931 г.

По иронии судьбы, к тому времени его альма-матер уже заклеили как оплот «культурбольшевизма» и прикрыли.

Находясь в заключении, Тольцинер попал на самую тяжелую работу – заготовку леса. Но ему, можно сказать, повезло: спустя несколько месяцев он занялся почти своим делом: проектиро-

вал шкафы, столы, стулья, детские коляски и другие предметы ширпотреба, изготовлявшиеся в лагерных мастерских. А началось все с того, что стоматологу, приехавшему лечить заключенных, потребовалось зубоврачебное кресло, и молодой архитектор предложил сделать кресло из дерева (а потом всю жизнь хранил в личном архиве эскиз этого сооружения). По справедливому замечанию Г.Д. Канторовича, здесь сказались и наследственное мастерство ремесленника, и практика в Баухаузе.

«Призванный» с лесоповала в проектную мастерскую, Тольцинер стал автором проектов жилых домов для вольнонаемного состава лагеря, интерьеров и оборудования клуба имени Дзержинского. Любопытен его проект монументальной доски социалистического соревнования... коллективов УсольЛАГа и НырбЛАГа. Под некоторыми чертежами рядом с подписью архитектора стоит автограф известного художника, мастера карикатуры Константина Ротова (журналиста из «Крокодила»), который пополнил контингент ИТЛ в 1940 г., а вышел на свободу лишь в 1948-м.

Филипп Тольцинер, освободившись «с применением зачета рабочих дней за хорошие производственные показатели» в декабре 1947 г., работал начальником проектной мастерской главного архитектора г. Соликамска, затем главным архитектором Пермской специальной научно-реставрационной мастерской. Он с большим увлечением занимался проектированием ремонтно-реставрационных работ по восстановлению памятников русской архитектуры.

Любопытно, что, вспоминая годы учебы, Тольцинер подчеркивал: *«Учебный план Баухауза был перенасыщен инженерно-строительными предметами. Мы не занимались изучением истории архитектуры и анализом ее прошлого опыта. [Майер]*

Тольцинер в Усолье. 1950-е гг.

называл нам ряд прогрессивных авторов беллетристики и рекомендовал читать их произведения».

В 1956 г. Тольцинер был реабилитирован и в 1961 г. переехал в Москву, где несколько лет трудился в Центральном научно-исследовательском и проектно-институте по градостроительству. Выйдя на пенсию, он продолжал работать самостоятельно над проектными предложениями по охране исторической части города Соликамска, а в 1980-е гг. и до конца жизни занимался систематизацией своего архива, который содержит уникальные документы. Это проектные чертежи, относящиеся ко времени пребывания в заключении и вынесенные Тольцинером на волю, что, кстати, было категорически запрещено, а также значительное количество фотографий, хорошо иллюстрирующих этапы реставрационных работ.

Тольцинер Ф.М. 1988 г.,
Пермская область

Приведу мнение Григория Канторовича, который несколько лет трудился в научно-реставрационных мастерских под одной крышей с немецким архитектором: *«...Случай Тольцинера, на наш взгляд, самый невероятный. Питомец Баухауза, испытавший на себе влияние всех трех директоров (поступил при Гропиусе, учился при Майере, а диплом ему подписывал Мис Ван дер Роэ), после работы в Москве, после десяти лет «университетов» ГУЛАГа, он начинает заниматься реставрацией памятников древнерусского зодчества в далёком Соликамске....»*

Замечу, что все три упомянутых директора – это мировые знаменитости.

С Канторовичем трудно не согласиться. Стоит послушать, с какой искренней досадой и болью Филипп Максимович говорит о том непоправимом вреде, который был нанесен древнему градостроительному ансамблю в период «социалистической реконструкции». С каким восторгом писал о Соликамске

известный советский художник Игорь Грабарь! Архитектурное наследие северного города привлекало многих. Не случайно именно здесь была создана одна из первых в стране реставрационных организаций. Но эти варварские строения, безликие пятиэтажки все портят. К сожалению, недостаточная изученность ансамбля архитектурных памятников отрицательно сказалась на судьбе Соликамска, привела к крупным ошибкам при его застройке.

Заслуга Тольцинера в том, что он упрямо ставил вопрос о градостроительной ценности и охране не только отдельных памятников, но и их комплексов, архитектурных ансамблей, а

Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ
Департамент управления бюджетными учреждениями Пермской области
Департамент культуры и искусства Пермской области
Государственное учреждение культуры
"Пермский областной краеведческий музей"

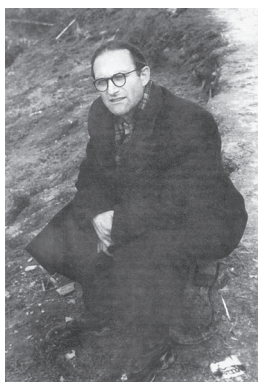
Филипп Федорович

приглашаем Вас на открытие выставки
к 100-летию со дня рождения
Филипп Тольцинер.
Баухауз-Москва-Усольлаг-Пермь

открытие состоится
1 августа 2006 года в 16.00
Адрес: г. Пермь, Комсомольский проспект, д.6.

Выставка к 100-летию Тольцинера Ф.М. 2006 г.

также о сохранении исторической среды – того фона, без которого немислима полноценная жизнь древних зданий. Не первым ставил трудные вопросы, нет, не первым, но заслуга его в том, что он имел смелость поднять свой голос в защиту уральской старины, несмотря на то, что жизнь в Стране Советов так

Тольцинер Ф.М.,
1952 г.

нешадно его била.

Он разработал конкретные, научно обоснованные предложения, направленные на сохранение древней планировки, реставрацию памятников и обеспечение достойного места для них в современном городе и в его завтрашнем дне. Как отмечает его коллега, эти предложения вошли в согласованный проект охранных зон, а также рекомендации по использованию заповедных зон в исторической части города. Они сыграли решающую роль в присвоении Соликамску статуса истори-

ческого города. В настоящее время рассматривается вопрос о включении Соликамска в список памятников всемирного наследия ЮНЕСКО.

Проекты Тольцинера, как писал Г.Д. Канторович, очень часто даже его коллегам казались утопическими «прожектками», настолько они опережали привычные представления, а кое в чем даже предвосхитили положения Венецианской хартии и других международных актов, направленных на сохранение памятников. Многие достижения Филиппа Максимовича можно связать с его личными качествами, чертами характера.

– *Какими качествами?* – уточнил я.

– *Он был эрудит,* – ответил Григорий Давидович, – *но не кичился своими знаниями. Требовательный в работе и по-хорошему демократичный. Заботясь о людях, он умел организовать не только работу, но и отдых.*

Тольцинер вспомнил, что Ханнес Майер, до эмиграции в Мексику, устраивал иногда обсуждение генеральных планов сибирских городов не только в горсоветах и горисполкомах, но и в рабочих клубах. Думается, здесь есть определенная связь – впитанный обоими дух Баухауза.

При этом в проектной практике Тольцинер не позволял домысла. Тщательный обмер здания, анализ пропорций портала – и для каждого подлинного кирпича (даже если он обнаружен

Тольцинер Ф.М. 1993 г.

в земле) находится своё изначальное место. Тут уже проявилось знакомство с российской школой архитектурной реставрации, которую дотошно изучал немецкий архитектор.

И вновь дадим слово Григорию Давидовичу: *«Поразительно, что несмотря на удалённость не только от европейских, но и от отечественных научных центров, всё, сделанное Тольцинером в Соликамске, соответствует высокому научному уровню без скидок на отсутствие информации или про-*

винциальность. Очень сильное впечатление производят выполненные Тольцинером рабочие чертежи старых конструкций – будь то детали древней скобянки, крепёж растяжек креста или волоковое оконце деревянной часовни, – всё выполнено с такой любовью, дотошностью и точностью, будто он прожил часть жизни в 17 в. или побывал там в командировке, где и разведал секреты старых мастеров».

Будто он прожил в 17-м веке – это высший комплимент для специалиста.

Умер Филипп Максимович в Москве в 90-летнем возрасте. Из наград его отметим бронзовую медаль ВДНХ – за эталон проекта жилого микрорайона, медаль и диплом Госстроя России. В той драгоценной папочке с архивом немецко-соликамского архитектора – назовем его так – я обнаружил копию письма, адресованного Филиппу Максимовичу его коллегами по Всесоюзному институту ЦНИИП Градостроительства (Москва). Это поздравление Тольцинера с его 60-летием со дня рождения и 36-летием творческой деятельности. Там есть такие ценные мысли:

«...Выполняя ряд работ по типовому проектированию жилых и градостроительных зданий, по разработке проектов планировки и застройки городов Орска, Соликамска, Владивостока, и по реставрации памятников архитектуры, вы внесли ценный вклад в советское градостроительство».

Тольцинер Ф.М.
1993 г.

И еще один важный момент отмечен в том поздравительном адресе (под ним – 66 подписей!):

«Своей преданностью нашему общему делу и дружеским отношением к людям Вы снискали любовь и уважение коллектива. В этот знаменательный день мы желаем Вам крепкого здоровья, дальнейших успехов в работе и сохранения на многие годы присущего Вам оптимизма и способности по-юношески увлекаться своим любимым делом – архитектурой и

искусством».

Оптимизм, доброжелательность и любимое дело – эти три «кирпичика» стали краеугольными камнями его творческого долголетия. Не взирая ни на какие испытания.

Литература

1. Канторович Г.Д. Хранитель каменной летописи // Архив наследия-2000. – М., 2001. – С. 267-273.
2. Гладышев В.Ф. Ф.М. Тольцинер, архитектор // Замечательные немцы Прикамья. – Пермь, 2014. – С. 120-122.

Конструктор, прошедший огонь, воду и... «шарашки»

Цирульников
Михаил Юрьевич

«Отдавались мы работе в этом КБ (так называемой «шарашке»), как ни странно это покажется, с огромной самоотдачей. Работали по десять часов. Питание было хорошее, условия для творчества, в принципе, нормальные. Если бы не охрана, не казарменный режим – КБ как КБ... Я жил какое-то время в комнате вместе с выдающимся конструктором Туполевым. Честно сказать, не знали мы тогда об истинных масштабах трагедии. Разве что догадывались, ведь вместе со мной сидели авиаконструктор А. Архангельский, академики и профессора. Позже узнал, что в здешнем КБ Туполева работал и С. Королев, лишь незадолго до моего заключения уехал из лагеря В. Петляков – его самолетопикировщиком ПВ-2 гордилась вся страна. Многие из них потом были полностью реабилитированы...».

Эти воспоминания выдающегося конструктора мы прочитали в биографической справке, которую нам, пермским краеведам, вручили сотрудники рекламной службы НПО «Искра» во время экскурсии в музей предприятия. Теперь об этом уже можно свободно и читать, и говорить, и фотографии Цирульникова – в солидных изданиях, на музейных стендах. Перед главным корпусом «Искры», прямо у дороги, стоит огромная «сигара» ракеты, когда-то секретного специзделия. Но будем помнить, что впервые фамилия Цирульникова была названа в публичном докладе только в 1980-е годы.

Между тем секретный конструктор к тому времени был удостоен многих правительственных наград за разработку целого ряда артиллерийских систем, а затем и ракетных. Он стал лауреатом Государственной премии (Сталинской, 1946 года), профессором, кандидатом технических наук.

Представитель рекламной службы предприятия (после реорганизации НПО «Искра» отделилась от объединения «Мотовилихинские заводы») с гордостью показывал ракетные системы, созданные коллективом еще под руководством Цирульникова.

– У нас проводится традиционный конкурс его имени, среди молодых специалистов, – рассказывал он, – лучшим вручаем премию имени Цирульникова. Стараемся сохранить и приумножить ту атмосферу творческого поиска, которую он сумел создать в коллективе...

Добавим: среди молодежи, которая приходит на объединение после окончания Пермского технического университета, есть и те, кто получал во время учебы именную стипендию, учрежденную в честь М.Ю. Цирульникова.

Можно сказать, воздали должное человеку, оценили огромные заслуги того, кто, как пишут в таких случаях, ковал оборонный щит Родины. Но, как это частенько у нас бывает, оценили с большим опозданием. Чтобы в полной мере представить, что пришлось пережить секретному конструктору, вернемся еще раз к биографии Михаила Юрьевича, к воспоминаниям о нем...

Михаил Цирульников (фото из музея ОАО «Мотовилихинские заводы»)

ИЗ НАШЕГО ДОСЬЕ. М.Ю. Цирульников родился 19 сентября 1907 года в г. Корсунь-Шевченковский Киевской области Украинской ССР. В 1932 году окончил Артиллерийскую академию им. Дзержинского (г. Ленинград). До 1936 года учился в адъюнктуре

и работал преподавателем академии, а с 1936 года Михаил Юрьевич – военный представитель Главного артиллерийского управления РККА на заводе № 8 в Калининграде Московской области.

В 1938 году Цирульников был необоснованно репрессирован, как брат «врага народа». Был осужден на 8 лет и направлен на работы в Особое техническое бюро Управления НКВД по Ленинградской области, которое находилось в тюрьме «Кресты». ...Летом 1942 года Цирульников был переведен в Молотов (Пермь), на работу в Особое техническое бюро Мотовилихинского завода (№ 172), позднее – Опытное Конструкторское бюро (ОКБ-172). Михаил Юрьевич был назначен руководителем ряда проектов. За разработку полковой противотанковой пушки «сорокопятки» (45-мм калибр) М.Ю Цирульников получил досрочное освобождение, но до реабилитации ему было еще далеко...

ЦЕНА ПОБЕДЫ, ИЛИ «ПРОЩАЙ, РОДИНА»

Цирульников М.Ю. –
главный конструктор
(1942-1967 гг.)

Михаил Юрьевич, как говорят, был немногословен, когда речь заходила о тех временах, оно и понятно... О том, как работало заключенным в таких «шарашках», можно подробнее узнать из произведений А. Солженицына. Высокие слова о щите для Родины будут отдавать ложной патетикой, если мы не будем помнить при этом, какой ценой достигался успех. Цена победы...

Та самая «сорокопятка», которая стоит в музее, внесла свою огромную лепту в разгром врага. ОКБ Цирульникова добилось того, что пушка начала пробивать броню фашистских танков. Но наши артиллеристы между собой прозвали эту пушку «Прощай, Родина!». Почему – нетрудно догадаться: орудийный расчет 45-ки сменялся с ужасающей быстротой. Кто погибал, кого ранило и калечило вражеским огнем, ведь щиток пушечки не спасал, потери личного состава наших артиллеристов были огромными...

После войны перед конструкторами были поставлены не менее сложные задачи. Михаил Юрьевич переключается на

создание двигателей для межконтинентальных баллистических ракет. Герой Социалистического Труда Л.Н. Лавров, сменивший Цирульников на посту Главного конструктора, – произошло это уже в 1968 году – вспоминал:

«...Так сложилась судьба, что мне, начиная с 1956 года и до самой кончины Михаила Юрьевича, пришлось сначала работать с ним, а потом общаться и по работе, и в обыденной жизни. Это был человек уникальной судьбы. Да, она его ломала, но не сломала, потому что это был настоящий талант. И всегда на первом плане в его жизни до последнего дня стояли интересы страны.

Вышло так, что я много времени жил с Михаилом Юрьевичем в одной комнате, было это в подмосковном Калининграде. Участвовали вместе во встречах с различными людьми, по ночам гуляли по городу, обсуждали дела, спорили...

Видел, как он болел за дело. Никогда не был меркантильным. А главное – Михаил Юрьевич поверил в будущее нового направления и до последних дней работал в этой области... Передавал свой опыт и знания многим ученикам, искал и находил пути применения новых идей в различных отраслях науки и техники. Уже будучи больным, он не бросал дело. Оно было у него в крови, в душе. Не всегда его понимали, не все поддерживали, но он боролся до конца...».

«ТЕМП» ЕГО ЖИЗНИ

ИЗ НАШЕГО ДОСЬЕ. Сдав обязанности Главного Льву Лаврову, Цирульников перешел на постоянную работу в Пермский политехнический институт, на кафедру импульсных тепловых машин. В 1971 году по его инициативе при кафедре было создано опытно-конструкторское бюро «Темп», в котором он стал научным руководителем и главным конструктором.

Заведование кафедрой, лекции, подготовка научных кадров... И – новые прорывы. Его бюро предлагает для увеличения резервов технической вооруженности в области геологии, геофизики, нефтегазодобычи, строительства использовать... артиллерийскую технику!

О, времена конверсии, как они памятливы всем. Впрочем, вот как сам Михаил Юрьевич говорил об этом:

«В остаток жизни хочу использовать загубленную артиллерию как вторичное средство в мирных целях, это такой же рычаг, как и использование ядерной энергии. Мы забиваем сваи железобетонные при помощи пушки. Мы можем забить сваю в десять или сто раз быстрее, чем забиваем сейчас...»

Он, уже перешагнув 80-летний свой юбилей, не мог без работы. Его супруга Бэлла Ильинична рассказывала: *«Просыпаюсь ночью, Миши нет рядом. На кухне горит свет. Он сидит с бумагами и что-то рисует, формулы какие-то. Вчера, говорит, мы упустили что-то в проекте, что-то не учли. А это надо было сделать совсем по-другому, мне вот сейчас мысль пришла...».*

А ПАМЯТЬ ЖИВА

Об этом же, собственно, пишет и корреспондент газеты «Еврейский обозреватель» в далеком Корсунь-Шевченковском:

«...Неуемная жажда деятельности не покидала этого неординарного и, вместе с тем, скромного человека до конца его дней. Перенеся инфаркт и инсульт, он продолжал одержимо трудиться: ездил в командировки; на работу добирался рейсовым автобусом, стесняясь пользоваться служебной машиной, считая вознаграждением за труд то огромное творческое удовлетворение, которое наполняло его жизнь высоким смыслом».

Скончался Михаил Юрьевич (Моисей Юхнович) на 84 году жизни, похоронен на еврейском участке Южного кладбища Перми. От его надгробия могилы – всего несколько десятков метров до могилы его соратника и друга Л.Н. Лаврова.

На здании жилого дома (ул. Луначарского, 62б) в 2000 году установлена мемориальная доска с изображением фрагмента взлетающей ракеты и надписью: «В этом доме с 1972 по 1990 год жил и работал Главный конструктор артиллерийских систем

и ракетных двигателей, лауреат Государственной премии СССР, профессор Цирульников Михаил Юрьевич (1907-1990 гг.)».

В начале этих заметок я упомянул экскурсию в музей НПО «Искра», но, оказывается, экспозиции о выдающемся вкладе Цирульникова есть и в других музеях: и на его украинской родине, в Корсунь-Шевченковском, и в Пермском государственном техническом университете, где создан Аэрокосмический факультет (АКФ). Он сформирован в 1993 году путем объединения факуль-

г. Пермь, улица Ким, д. 41. Та самая «шарашка»...

тетов авиадвигателей (основан в 1955 году) и машиностроительного (основан в 1959 году). На АКФ развернуты широкомасштабные исследования как оборонного, так и конверсионного направлений по совершенствованию двигателей беспилотных и пилотируемых летательных аппаратов, разработке методов их математического моделирования, повышению эксплуатационных свойств деталей воздушно-реактивных двигателей, созданию

материалов с заранее заданными свойствами и другие. Факультет размещается на комплексе ПНИПУ, на правом берегу Камы, в живописном Сосновом бору и в Закамске. Это четыре учебных корпуса общей площадью около 25000 кв. м. В них имеются лекционные аудитории, учебные и исследовательские лаборатории. Об этом Цирульников только мечтал... нет, не только мечтал, но и приближал эту мечту. На факультете созданы и музеи авиационной и космической техники, артиллерийских систем.

Сохранились, между прочим, и здания, где размещались его «шарашки» (простите за каламбур). Одна – на улице Ким, 41, в Мотовилихе: добротное полукаменное двухэтажное здание. Вторая находилась в нынешнем здании Пермского театра кукол, где до 1950-х располагались пересыльная тюрьма, промколония и «шарашкина контора», в которой под бдительным оком вертухаев трудились светлейшие умы страны.

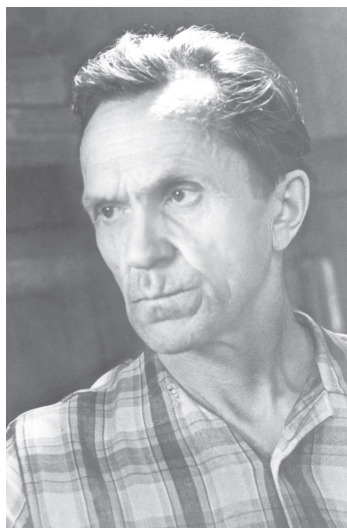
Литература

1. Еврейский обозреватель. 2007. № 21.

**«...Успеть рассказать правду, не известную никому
в мире»**

Мне пятьдесят семь лет. Около двадцати лет я провел в лагерях и в ссылке. По существу, я еще не старый человек, время останавливается на пороге того мира, где я пробыл двадцать лет. Подземный опыт не увеличивает общий опыт жизни – там все масштабы смещены, и знания, приобретенные там, для «вольной жизни» не годятся. Человек выходит из лагеря юношей, если он юношей арестован.

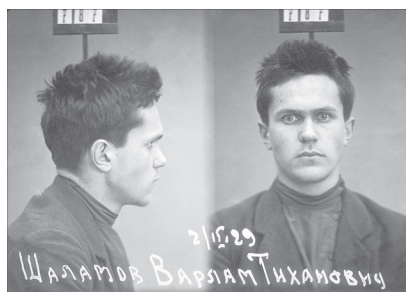
*В. Шаламов,
«Моя жизнь – несколько моих жизней»*

Шаламов Варлам Тихонович

Человек, несший в себе тюрьму, лагеря, путь человека на этапе, стремящийся показать жизнь такой, какая она есть, раскрыть людям глаза, «впустить» их в закрытый мир тюрьмы и лагеря, прожил 75 лет, 20 лет жизни проведя в лагерях и ссылках. У кого ещё в наше относительно спокойное время стоит учиться «выращивать» и сохранять чувство собственного достоинства, быть свободным, держать себя, оставаться честным?

Варлам Шаламов – один из самых откровенных писателей, затронувших в творчестве лагерную жизнь. Его рассказы страшны своей реалистичностью, документальностью, правдой, поскольку писал он о том, что происходило на самом деле. С нами! С гражданами нашей

Шаламов В.Т.

страны! С Родиной! Описанные судьбы и события – часть нашей истории, которая не должна забыться, возродиться или повториться.

Первый арест и первый тюремный опыт связаны у Варлама Тихоновича с Пермским краем. Арестованный в феврале 1929 года за участие

в подпольной троцкистской группе и за распространение дополнения к «Завещанию Ленина» во внесудебном порядке как «социально вредный элемент» Шаламов был приговорён к трём годам исправительно-трудовых лагерей. Юношей, вдохновленным революционной романтикой, тяготимым ощущением, что не успеваешь творить историю, Варлаам Тихонович попадает в жесткие условия лагеря, которые становятся всё более невыносимыми, поскольку власти начинают входить во вкус, извлекая выгоду из труда заключенных, их унижительного и бесправного положения людей подневольных, находящихся без помощи, поддержки и защиты. В начале срока, пройдя пять суток этапом от Соликамска до Вишлага, очутившись раздетым на морозе, поскольку вступился за старообрядца Зайцева, жестоко избитого перед строем, Шаламов начинает осваивать новый мир, изучать правила, вписываться в иной образ жизни. *«Там» я не всегда писал стихи, – вспомнит он позже. – Мне приходилось выбирать – жизнь или стихи и делать выбор (всегда!) в пользу жизни».*

Жизнь и условия изменялись на глазах Шаламова. Изначально труд в лагере был добровольным. Затем началось строительство Березниковского химкомбината. И жизнь заключенных стала меняться. Сначала под эгидой перевоспитания началось принуждение к труду, а после труд стал способом выживания, поскольку тех, кто не работал, перестали кормить. Скучную лагерную пайку нужно было заслужить трудом.

«Поздней осенью 1929 г. вблизи только-только встающего города Березники и закладывавшихся при нем химических комби-

натов развернулась новая, крупнейшая по тем временам стройка: визжали пилы, стучали топоры и молотки, тысячи людей долбили мерзлый грунт, копали траншеи и ямы, волокли и расширяли на сатунки и доски сосновые бревна, пилили и строгали... Строительство было закончено ударными темпами уже к лету следующего, 1930 г. Глаз постороннего зрителя порадовал бы вид нового, свежим деревом сверкающего поселка: аккумулятивные линейки построек, отсыпанные песком дорожки, клуб с дорическими колоннами... Почти идеальный соцгородок, почти в полном соответствии с чаяниями основоположников... Но посторонний глаз всего этого благолепия увидеть не мог, поскольку соцгородок этот был не чем иным, как концлагерем, и отделен был от мира и досужего любопытствующего взгляда, как и полагается всякому лагерю, колючей проволокой с вышками, вахтами и недремлющей охраной. Был он первым в истории нашей страны индустриальным лагерем ОГПУ, безумным экспериментом, с которого, однако, начался приснопамятный ГУЛАГ», – так описывает реалии того времени историк Виктор Шмыров.

О становлении лагерей как места, где, по словам кандидата исторических наук Владимира Шиманского, «отрабатывалась технология превращения нормального человека в бессловесную рабочую единицу советской экономики. Технология уничтожения в человеке всего человеческого, метод выжимания из него последних сил ради индустриализации страны. В этом лагере опытным путем искали, какое количество еды нужно давать «контингенту», чтобы он почти умирал с голоду, но еще мог работать, причем работать за пределами своих возможностей. Затем по этому образцу создавались все трудовые лагеря. Именно в Вижаихе было положено начало ГУЛАГу», мы можем подробно узнать из документального фильма Павла Печенкина «Опыт юноши». Фильм посвящен жизни Шаламова на Урале. Впереди была Колыма. Но уральский опыт закалил характер, научил ценить жизнь и выстраивать отношения с миром, в котором оказываешься.

Первый лагерный опыт – первые наблюдения за людьми, попытки выстроить себя, найти дело, позволяющее быть полезным

и быть в тонусе, стать и остаться собой как бы не изменялись обстоятельства.

«Что такое искусство? Наука? Облагораживает ли она человека? Нет, нет и нет. Не из искусства, не из науки приобретает человек те ничтожно малые положительные качества. Что-нибудь другое дает им нравственную силу, но не их профессия, не талант.

Всю жизнь я наблюдаю раболепство, пресмыкательство, самоунижение интеллигенции, а о других слоях общества и говорить нечего.

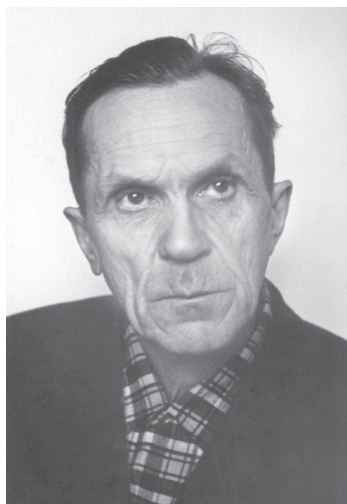
В ранней молодости каждому подлецу я говорил в лицо, что он – подлец. В зрелые я видел то же самое. Ничто не изменилось после моих проклятий. Изменился только сам я стал осторожнее, трусливей. Я знаю секрет этой тайны людей, стоящих «у стремени». Это одна из тайн, которую я унесу в могилу. Я не расскажу. Знаю – и не расскажу», – пишет Шаламов в рассказе «У стремени».

Всё его творчество – осмысление жизни, людей, отношений человека и системы, изучение обстоятельств и поиск путей сохранения себя, своего достоинства в разных жизненных обстоятельствах. Обо всем этом Шаламов пишет всю жизнь после тюрем и лагерей. Пишет в стихах. Пишет в прозе.

Интересны воспоминания о самом Варламе Шаламове. Сейчас их издано много. Даже трудно понять, кому верить, кого читать в первую очередь. Мы отметим несколько воспоминаний-штрихов, образов, созданных современниками, не прошедшими лагерей, но точно выхватывающими черты, отличающие жертв репрессий от людей, которых эта участь миновала.

Художник-портретист Борис Биргер так вспоминает о работе над портретом Шаламова: *«Передо мной сидел человек страшной, нечеловечески страшной судьбы. Я хотел написать в трагической манере – но разве это слово из лексикона классического театра и литературы может хоть сколько-нибудь обозначить двадцать лет ада, в котором находился автор «Колымских рассказов»? А ведь он вернулся из ада более человечным, чем я, проживший благополучную жизнь...».* Биргер рисовал элиту либеральной интеллигенции, диссидентов и артистического мира: Сахаров и Еле-

на Боннэр, Надежда Мандельштам, Войнович, Аксенов, Копелев, Искандер, Окуджава, Галич, Юлий Даниэль, Эдисон Денисов, Алла Демидова и т.д. Среди них оказался Варлам Шаламов, откликнувшийся стихотворением «Живопись». Сам художник не считает свое творение полноценным портретом, определяя его как *«только лишь подход к психологическому портрету»*.

Шаламов В.Т.

Наверно, даже точнее, чем художник, описывает облик Шаламова литературный критик Лев Анненский: *«Десятилетия лагерных сроков оставили на его лице несмываемые упрямые борозды. В облике поражала статность. И еще – при рукопожатии – каменная сила огромной ладони, сохранившаяся у человека под шестьдесят»*.

Поэт Геннадий Агаи (Лисин) в воспоминаниях о Шаламове делится интересным наблюдением: *«Я не раз замечал, что бывшие зеки, обычно, в первые же минуты знакомства, сразу «узнают» друг друга и вступают в свой особый, несколько табуизированный для других, «контакт». Константин Богатырев, очень общительный «вообще», скромно и деликатно, но все же по-зековски попробовал заговорить со старшим зеком. Шаламов мгновенно дал знать (каким-то необъяснимым образом: не было ни жеста, ни взгляда, ни слова), что такой разговор невозможен. (В оцепенении-безмолвии, как будто воздвиглись молчания-«слова»: «я оттуда, где вы не были»)*». Агаи рассказывает также, что когда он предложил Варламу Тихоновичу свою помощь в исправлении небольших неточностей в книге, ему ответили следующее: *«Мне это безразлично. Это мелочи. Потом разберутся. Главное для меня – успеть рассказать правду, не известную никому в мире»*.

Шаламов В.Т.

Что дают нам эти воспоминания? Думается, возможность относиться к произведениям Шаламова не просто как к прозе. Шаламов – летописец, творец и хранитель, доносящий до нас, людей, живущих в другом времени, образы той, изолированной от мира жизни. Если бы не он – мы бы многого не узнали. Понять – вот наша главная задача и ответственность. Помешать повториться подобному – миссия каждого мыслящего человека.

Зачем нам, живущим в относительно мирном мире, узнавать сегодня о том, как менялись тюрьмы и лагеря, как жили и выживали люди в тяжелейших условиях голода, тяжелого труда, невозможных природных условиях? Важно, чтобы страницы истории не повторялись. Важно осознавать бесценность человеческой жизни и находить возможности делать жизнь осмысленной, осознанной, важной для человека.

Опыт жизни, описанный Варламом Шаламовым в стихах и прозе, – сигнал потомкам: помните и не повторите!

Литература

1. Варлам Шаламов в свидетельствах современников. – Личное издание, 2014.
2. Шаламов В. Воспоминания. – М., 2001.
3. Шаламов В. Воскрешение лиственницы. – М., 1985.
4. Шмыров В.А. К проблеме становления ГУЛАГа // Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. – Пермь, 1998.

Об авторах

Асланьян Юрий Иванович – российский писатель, поэт и журналист. Автор повестей, романов, стихов, портретных очерков, экологических материалов и журналистских исследований. Работал в газетах «Уральская стройка», «Большая Кама», «Шанс», «Досуг», «Молодая гвардия», «Пермские новости», «Звезда», «Личное дело», «Пермский обозреватель». В 2005–2008 гг. председатель Пермского отделения Союза российских писателей.

Гладышев Владимир Федорович – журналист, краевед, член Союза журналистов РФ. Автор книг и многочисленных публикаций об истории Пермского края. Член Союза журналистов и Союза писателей России. С 2004 г. председатель общества «Пермский краевед». Член ученого совета Пермского краевого музея, совета по топонимике г. Перми.

Калих Александр Михайлович – журналист и общественный деятель. Работал в газетах «Молодая гвардия», «Звезда», «Время», «Пермские новости». Член Союза журналистов России. Основатель Пермского краевого отделения Международного общества «Мемориал», член Правления Международного общества «Мемориал». С 1988 года по 2010 год – председатель Пермского краевого отделения общества «Мемориал». В настоящее время Почетный председатель краевого отделения общества. Награждён орденом «За заслуги перед Отечеством».

Оболонкова Марина Александровна – доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат исторических наук, автор более 50 научных работ. В 2008-2016 гг. – председатель правления Автономной некоммерческой организации «Общественная лаборатория «Гражданские ценности в образовании».

Суслов Андрей Борисович – профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, доктор исторических наук, автор более 190 научных работ по отечественной истории и правам человека. Основатель (2003 г.) и директор Центра гражданского образования и прав человека до 2018 г. Член коллегии министерства образования и науки Пермского края в 2006-2017 гг.

Черемных Мария Владимировна – преподаватель русского языка и литературы, тренер в сфере гражданского образования и образования по правам человека, тренер и эксперт Центра гражданского образования и прав человека, член Всероссийской ассоциации исследователей и преподавателей риторики, автор книг и статей по риторике, педагогике, неформальному и гражданскому образованию.

ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ В ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Сборник очерков

Подписано в печать . . . г. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 5,81. Тираж 100 экз. Бумага мелованная 115 г/м².
Гаранитура Times New Roman. Заказ № 433/1.

Отпечатано в ООО "Пермское книжное издательство"
614000, г. Пермь, ул. Героев Хасана, 15. Тел./факс: (342) 241-40-04.